

От победителя премий «Еврокон» // лучший дебют,
«Бегущая по волнам», «Книга года по версии Фантлаба»

КАРИНА ДЕМИНА



ДИКИЙ,
ДИКИЙ ЗАПАД

Идеальное фэнтези. Романы Карины Деминой

Карина Демина

Дикий, дикий Запад

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Демина К.

Дикий, дикий Запад / К. Демина — «Издательство АСТ»,
2023 — (Идеальное фэнтези. Романы Карины Деминой)

ISBN 978-5-17-149801-6

В городке Последний путь, что стоит на краю цивилизации, люди живут простые, добрые и отзывчивые, всегда готовые помочь ближнему в решении проблем. Особенно, если не бесплатно. Вот и Эдди берется помочь чужаку, некоему Чарльзу Диксону, в решении его проблемы. Всего-то и надо, что отыскать сбежавшую сестрицу. А уж чем поиски обернутся, кто знает? Эдди – опытный охотник, справится и с заклинателями мертвецов, и с кровожадными сиу, и с Проклятым городом, да мало ли что еще на Вольных землях встретить можно. Заодно, глядишь, и собственную сестрицу в добрые руки пристроит.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-149801-6

© Демина К., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1, | 6 |
| Глава 2, | 12 |
| Глава 3, | 19 |
| Глава 4, | 25 |
| Глава 5 | 30 |
| Глава 6, | 35 |
| Глава 7 | 39 |
| Глава 8, | 44 |
| Глава 9, | 49 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 52 |

Карина Демина

Дикий, дикий запад

© К. Демина, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1, *где некий господин прибывает на Дикий Запад, дабы решить одну крайне щекотливую проблему*

Клиент мне сразу не понравился. Бывает такое: только глянешь на человека и всем нутром понимаешь – ничего, кроме неприятностей, ждать от него не стоит. А главное, и сам он об этом знает, а потому поглядывает свысока, снисходительно этак, понимая, что деваться нам некуда.

Ничего не попишешь, дела в конторе идут не сказать чтобы хорошо.

Честно говоря, хорошо-то они не шли никогда, но это не мешало Эдди надеяться, что однажды случится чудо и про нас узнают. Нет, местные-то знали. Да и как не узнать, когда городок наш столь мал, что знают тут все и про всех, а уж про «Контору частного сыска и решения проблем» и подавно.

Название придумал Эдди.

И все прочее тоже.

Он же, облачившись в приличный сюртук, ныне хмуро разглядывал гостя. Первого, почитай, за месяц. А посетитель пялился на Эдди. Оно и понятно, братец мой единокровный в сюртуке смотрится весьма представительно. Еще и морда, битая Биллом Клином, которого братец давеча все-таки взял, уже отошла. Почти. Левый глаз так и вовсе уже приоткрылся, а что до синевы вокруг, так она, как матушка изволит выражаться в хорошие дни, весьма даже *гармонировала* с цветом сюртука.

– С чем пожаловали? – хмуро поинтересовался Эдди и сплюнул.

В плевательницу.

Медную.

Ее он, помнится, в том году принял в зачет одного долга, ибо больше брать с Макфи оказалось нечего. Вещь большая, солидная и на людей незнакомых впечатление производит изрядное.

Клиент – потенциальный клиент – вздрогнул.

А кто бы не вздрогнул? Билли, чтоб ему веревка занозистая попалась, братца моего отделал славно. И зуб выбил. Эдди его уже выбивали, ясное дело, так что отрастет, куда он денется, да только пока вид... внушающий.

Да.

В общем, встрепенулся наш клиент и на меня посмотрел.

А я что? Я улыбнулась. Матушка еще сказывала, что если улыбаться людям, то они будут добрее. Может, конечно, где-то там на Востоке так оно и есть, что одной улыбки хватает, а тут, на Западе, с револьвером всяко надежнее.

Я и положила руку на свой кольт.

На всякий случай.

А то ведь человек в городе явно новый. У таких всякая придурь в голове случается, некоторые вон и ухаживать пытаются. Один даже в окно полез как-то. С цветами. Потом на суде стонал, что с исключительно добрыми намерениями лез – замуж хотел позвать! А стало быть, зря Эдди ему эти цветы в одно место засунул...

Но то история старая, ей лет десять уже.

После нее-то братец и перестал ругаться, что я сплю с револьвером под подушкой. Даже новый подарил. Под вторую подушку. А что? Места у нас дикие.

– Добрый день. – Гость стянул с головы котелок и поклонился.

Я кивнула.

Эдди снова сплюнул и языком дыру потрогал. Поморщился. Видать, зуб выбит не до конца и предстоит, как говаривает матушка, *визит* к добрейшему мастеру Брину, который у нас в городе за брадобрея-цирюльника, да еще зубы дергает.

За это его и недолюбливают.

А может, за удивительно поганый характер.

– Верно ли я понял, что вы – мистер Элайя? – спросил гость и снова на брата уставился. Глядит и не мигает. И братец тоже. Правда, ему не мигать сложнее, глаз-то, пусть и открылся, все одно слезится.

Эдди кивнул.

– Мне вас настоятельно рекомендовали как... человека... – Тут уж посетитель запнулся, ибо человек Эдди едва ли на четверть. Но ничего, брат мой на то внимания не обратил, кивнул подбадривающе даже. И этот, в сизом костюмчике, явно на заказ шитом, причем не криворуким Клюпенем-младшим, продолжил: – Как человека, способного решить любую проблему, даже весьма щекотливую.

– Ага, – довольно оскалился Эдди.

Теперь уже во весь рот.

Я взглянула на него с укоризной: матушка, помнится, крепко ему пеняла за эту вот улыбку, от которой и клыки видны с палец длиной, и резцы подточенные, и прочие зубы. Учила она его, учила, да все без толку.

– Что ж, в таком случае... – Гость вздохнул и огляделся. – Где мы можем побеседовать?

– Да хоть где! – Эдди гостеприимно обвел рукой нашу конуру, которую гордо именуется конторой. Прежде-то тут салон был, который матушка держала, когда еще надеялась, что однажды в нашем захолустье кому-то, кроме шлюх Веселой Бетти, станет интересна высокая мода. От той поры остались кружевные занавески, салфетка с вышитыми колокольчиками и ваза на ней. Некогда в вазе стояли цветы, и матушка каждую неделю букет меняла, но...

В общем, не сложилось с высокой модой.

– Гм... действительно... – Клиент вновь покосился на меня, но осторожно. То ли револьвер мой любопытство сдерживал, то ли хмурый взгляд Эдди.

Тот и руки сцепил.

Насупился.

И вид... В общем, *экстерьером*, как любит говорить моя матушка, Эдди во многом пошел в деда, который был не абы кто, а орочий шаман. Вот и достались от него Эдди что тяжелая челюсть, что покатый лоб немалой твердости – в прошлом году один умник этим самым лбом стену пробил. Нечаянно. Надеялся Эдди вырубить и уйти. А стена возьми и...

– Сестра моя, – мрачно представил меня Эдди, и в голосе его я услышала предупреждение. Впрочем, не только я. Заезжий господин опять вздрогнул. Рост Эдди достался уже от бабушки, той, которая по материнской линии, а невысоких ахайя не бывает. – Милли.

Вообще-то, Милисента.

И даже Милисента Георгина Августа Фредерика Иоланта Годдард. За каким чертом одному человеку такая куча имен, матушка мне честно пробовала объяснять.

Про честь родовую.

Предков.

Про славу... В общем, я слушала. Пыталась. К чему матушку огорчать? Ей вон и Эдди хватает, которого папаша однажды в дом привел и сказал: вот, мол, сын мой и наследник, стало быть, воспитывай. К тому времени у матушки, думаю, уже не осталось иллюзий о счастливой совместной жизни, а потому она лишь кивнула и принялась за дело. Понятно, воспитать мальчишку, который первый десяток лет жизни своей провел в орочем племени, задача непростая. Но матушка справилась.

Почти.

– Позвольте представиться. – Гость снова поклонился, как-то затейливо отключив ногу, отчего сразу стало понятно: воспитанный засранец. – Чарльз Диксон.

– Чарли, стало быть, – кивнул Эдди, буравя этого Диксона недобрым взглядом. Ноздри его широкого носа раздулись, втягивая запах.

А пахло от гостя...

Хорошо пахло. Не навозом, потом и прочим, чем тут пахнет по обыкновению, и даже не цветочками, как от шлюшек Бетти, а... в общем, хорошо.

– Чарльз, если позволите. – Гость положил руки на спинку стула. – Третий граф Невелльский...

Если он думал, что мы тут же восхитимся, то это зря.

Мы с Эдди переглянулись, и братец пожал плечами. Мол, случается с людьми и такое. А что, в нашем захолустье кого только не встретишь. Так что графом больше, графом меньше.

– И чего надо? – спросил Эдди, вовсе теряя терпение.

Это уже у него от огненных дэвов, с которыми спутался кто-то из совсем уж дальних предков, и Эдди напрочь отрицает этакое родство, но я матушке, с ее способностями кровь разглядеть, верю. И то правда, раздражается братец легко.

Порой и вовсе впадает в ярость.

Правда, сам он утверждает, что ярость эта – от бабки, которая происходит из прибрежников, а те славятся неукротимостью в бою... Ну, сложная у него родословная, что уж тут.

– Надо вот что... – Граф присел на стул, осторожно так, будто ожидал от этого стула какой-нибудь пакости. К слову, не зря. Помнится, на той неделе этим самым стулом Эдди оглушил Кривого Пью, решившего, что раз он знает, с какой стороны за ружье братья, то теперь он в городе самый главный. Стул от того развалился, а чинил его Эдди сам.

Из экономии.

У моего брата множество талантов, это все признают, но вот мастер из него... Краснодеревщиков в нашем роду, похоже, не было.

– Я хочу, чтобы вы помогли мне отыскать мою сестру. – Это графчик произнес спокойно и ровно, пристально глядя на Эдди, который вдруг от взгляда этого смутился.

Вот честно!

Может, кто посторонний бы и не заметил, но я-то не чужая, я все вижу...

– И готов за это заплатить.

Я убрала револьвер со стола и даже ноги сняла, вспомнив, что коль человек платить готов, то надо с ним пообходительней. Клиенты на дороге не валяются.

Даже странные.

Такие как этот.

На стол упал кошель. Тяжеленный, видать заранее подготовленный, чтобы Эдди впечатлить. Так-то мы не совсем дикие, нормальные люди кошель с собой не таскают. Чревато это. Куда безопаснее с чековой книжкой гулять. Но Эдди на кошель уставился.

Я тут же вспомнила, что зима не так и далека, а угля в яме едва ли на треть осталось. Да и стены неплохо бы подконопатить. Стекло в гостиной треснуло, крыша опять подтекает. Не говоря уже о том, что обои совсем выщвели, а матушка молча перешивает очередное свое платье, надеясь, что, перешитое, оно соседям покажется новым. Соседям-то, честно говоря, на платья плевать, особенно Доусону, что стал заезжать слишком уж часто, чтобы это не выглядело подозрительным, но матушке же не скажешь.

Эдди тоже.

Он Доусону сперва зубы выбьет, а потом и душу вытряхнет. А по мне так ничего, пусть ездит. У Доусона плантации изрядные, и дом хороший, и сам он мужчина видный. Глядишь, и сложится у них.

– Сестру? – уточнил Эдди.

– Сестру. – Рядом с кошельком лег фотографический снимок. Я вытянула шею, силясь разглядеть девицу, которая на нем. Уж больно интересно вдруг стало. Только не вышло.

Ну да ладно.

Эдди потом покажет.

– К сожалению, юные девушки порой... увлекаются неподходящими личностями, – произнес графчик чрезвычайно печально.

– Ага, – сказал Эдди, пошевелив пальцами, отчего гость вздрогнул в третий раз.

Но зря. Он тут ни при чем, это брату другое вспомнилось. И вовсе Милфорд не был неподходящим, если хотите знать! Ну да, обычный бандит, у которого за душой конь да револьвер. Но у многих и того нет.

В степь ходил.

Возвращался... да как везло, так и возвращался. Песни еще пел красивые. Про любовь. И цветы однажды принес. Сказал, что я ему нравлюсь. И намерения у него были самые серьезные. До встречи с Эдди.

В общем, не задалось у меня с личной жизнью, да.

– Наш род весьма... состоятелен, – продолжал граф. – И потому моя сестра многим казалась удачной партией. Однако она была помолвлена и осенью предстояла ее свадьба с четвертым маркизом Шеффилдом. Это мой хороший друг.

Сказал он это и помрачнел.

И пальцами по столешнице побарабанил. Выразительно.

– Однако случилось так, что на приеме Августа встретила некоего... молодого человека, которым вдруг увлеклась. Причем об этом увлечении не знали ни я, ни наша мать. А потому побег ее стал совершенной неожиданностью.

Эдди уставился на меня.

А я что? Этакая дурь мне в голову точно не придет. Куда бежать? Да и... от Эдди не убежишь. Поэтому я сделала вид, что совсем даже ничего не поняла.

И вообще сию вот.

Паутиной люблюсь.

– Она оставила письмо, в котором призналась, что никогда не любила Ричарда. Вернее, ошибочно принимала симпатию за любовь и лишь с неким Н. познала всю глубину этого чувства.

В руках Эдди хрустнул карандаш.

Есть у него привычка крутить что-нибудь в пальцах, вот и...

– Она просила ее не искать. Сообщала, что они заключат брак, а потом уедут туда, где ее прошлое не станет помехой.

Карандаш полетел на пол.

Я вздохнула.

Вот оно как у людей-то. И не скажешь, что дура, – жалко девчонку. Не оттого ли, что со мной такого не приключится? Любовь любовью, в нее-то я не больно верю, но безумца, который рискнул бы с Эдди связаться, в округе нет.

– Как вы понимаете, случился скандал. Мне пришлось объясняться с Ричардом, который был весьма огорчен... даже оскорблен.

– Сам дурак, – пробормотал Эдди.

– Простите?

– Если есть невеста, то приглядывать надо.

Тут братец мой засопел, на меня взглядом стрельнул. А я что? Знаю я, что Эдди заглядывал к Молли Шеппард, и что даже предложение подумывал сделать, тоже знаю. Ну да, подслушивать разговоры чужие нехорошо, но полезно.

Правда, Молли, будто почуяв приближение этакого счастья, быстренько выскочила замуж за Роса Кадиша. Ну и дура. Оно, конечно, у Кадишей земли прилично, и деньжата водятся, да не в них счастье.

И запил Эдди после того зря.

Матушка ему так и высказала: мол, человек достойный в любой самой неприятной ситуации лицо сохранить сумеет.

– Это верно, – согласился граф. – Но я полагал, что Августа – девушка разумная. А теперь...

– Не догнали?

– Она... и вправду разумная девушка. – Посетитель печально улыбнулся. – И сумела все обставить так, будто уехала к подруге в гости. Та поверила в большую любовь и согласилась помочь. Две недели Августа якобы гостила у нее. Нам приходили письма. И никто ни о чем не волновался. Но она не вернулась домой в срок. А потом... время было упущено.

Взгляд Эдди стал тяжелым.

А я что? Девица-то огонь, сообразила, как всех обвести вокруг пальца. Понять бы ей еще и другое. Любовь... Любовь – штука такая, опасная. Уж на что матушка моя отца крепко любила. Я-то, конечно, всей правды не знаю, кто мне скажет, но и не полная идиотка, чтобы взять и поверить в эту самую любовь.

То есть что матушка любила – это да.

Не любила бы, небось, в жизни не стала бы сбегать из дому да со всем семейством ссориться. Но вот отец... Привезти привез, в доме поселил, а после скучно ему стало, да.

Как-то это неправильно.

Графчик меж тем руки сцепил, да так, что кости захрустели. Ишь ты. Переживает.

– Я нашел и жреца, заключившего брак. И свидетелей. Брак законный.

– Уже хорошо, – миролюбиво заметил Эдди. – А то ведь случается всякое.

Я кивнула.

Случается.

Вон у мамыши Бетти – если не каждая вторая, то каждая третья девка точно из дома из-за любви большой сбежавшая. Только частенько этой любви хватало лишь до первого постоянного двора, а бывало, что и сам любимый девку в бордель продавал.

Жизнь – штука такая.

Сложная.

– Честно говоря, я ожидал, что Августа вернется домой. Напишет. Позвонит. Телеграмму пришлет на худой конец! Право слово, мы с маменькой, конечно, сердились на нее, но не настолько же! Однако...

– Не написала?

– Нет. И это, признаюсь, меня несколько... насторожило. Мы с Августой довольно близки. И да, возможно, она опасается, что я разозлюсь...

Эдди хмыкнул.

– Однако должна понимать, что прежде всего меня волнует именно ее благополучие.

– А этот... кавалер?

– О нем удалось выяснить немного. Некий Уинстон Грейтон. Моим знакомым он доводится дальним родственником, об устройстве которого они и хлопотали, правда, без особой надежды.

Взгляд Эдди сделался весьма выразителен.

– Да, признаюсь, я тоже не слишком поверил, однако и оснований обвинять этих людей в чем-то у меня не было.

Хрустнул второй карандаш.

Этак он все переломает.

– Бишопы – семейство весьма почтенное, известное, а потому, как понимаете...

– Не на любую шею можно веревку накинуть. – Иногда Эдди проявлял редкостное понимание.

– Именно. – Графчик изобразил на лице кривоватую улыбку. – Мне удалось выяснить, что этот Уинстон приехал в город за неделю до встречи с Августой, а отбыл сразу после свадьбы. Вместе с тем Элайя Бишоп весьма скоро подал претензию на выплату приданого, которое было оговорено моим отцом.

– А вы?

– Часть денег я выплатил, но не все. Имелись юридические основания для отсрочки. Поймите, дело не в деньгах. Я лишь желал убедиться, что с моей сестрой все в порядке. Если она счастлива с этим... Уинстоном, я приму его в семью. Постараюсь, во всяком случае.

Вот тут у меня возникли некоторые сомнения. Уж больно на графской морде выражение кислое было. С таким только новых родственников в семью и принимать.

– Честно говоря, я надеялся, что эта отсрочка позволит как-то связаться или с Августой, или с ее супругом.

– Не вышло?

– Нет.

– И сколько?

– Что?

– Сколько вы им выплатили?

– Двадцать пять тысяч долларов.

Мы с братом переглянулись. В его взгляде мне почудилось сожаление, а я... Что я? У меня тоже приданое есть. Конь. Пара револьверов. И еще матушкины кружева. Ну и денег у Эдди наскреб бы, сотни две, кабы постарался.

– Это мелочь на самом деле. – Графчик махнул рукой. – Основная часть приданого – более ста тысяч.

– Это, может, там у вас мелочь, – спокойно отозвался Эдди. – А здесь и за пару долларов глотку перережут. Но вы это уже поняли, да?

Глава 2, в которой Чарльз Диксон рассказывает историю и получает предложение помощи

Существо, смотревшее исподлобья на Чарльза, человека менее подготовленного привело бы в ужас, ибо было велико, страшно и, что хуже всего, странно. Его отличала удивительная смесь черт едва ли не всех известных человеку рас.

При всем том следовало признать, что это чудище вызывало куда меньшее раздражение, чем исключительно правильный, идеальный в каждой черте своей Элайя Бишоп.

Стоило о нем вспомнить, как челюсти свело от гнева.

«...Остальные выплаты».

Судебное разбирательство. Новый скандал, когда маменька еще от старого не отошла. И мягкая улыбка старого паука. Мол, вы же понимаете, Чарли, что дело вовсе не в деньгах, дело исключительно в принципе.

Стервятник.

А этот... этот громила скорее походил на горного льва, тварь здоровенную и невероятно опасную. Но такая Чарльзу и нужна. Если кто и пройдет по Диким Землям, то она.

Он подавил вздох.

И продолжил:

– Я нанял людей, но им удалось выяснить лишь, что чета Уинстонов сперва купила билеты на пароход «Веселая Нелли», на котором прибыла в Аштон-таун, а уже оттуда отправилась дальше, по железной дороге.

– И думаете, они здесь? – с сомнением произнес монстр. – У нас небольшой городок, и если бы кто объявился новый, я бы знал.

Девушка, что пряталась в углу, которую существо представило как сестру, – Милли, кажется, – кивнула. Мол, точно бы знал.

– Вышли они на станции Арвик, где приобрели фургон с парой тяжеловозов да кое-какие припасы.

– Какие?

Чарльз поморщился. Разве это имеет значение? Но все же ответил:

– Муки двести сорок фунтов. Порошок яичный. Сухое молоко. Крупа рисовая, высшего сорта. Пшеница.

Он попытался вспомнить, что еще.

– Соль. Пятьдесят фунтов соли.

– Много, – сказала чудище и провело ладонями по всклокоченным волосам. – Не для себя брали.

– Там же была сделана фотография. Полагаю, они хотели запечатлеть свое свадебное путешествие. И мне повезло. Пластины не уничтожили.

И обошлась она не сказать чтобы дорого. Впрочем, Чарльз уже успел убедиться, что здесь цены несколько отличаются от привычных.

– Вот. – Он выложил второй снимок.

И едва сдержался, чтобы не забрать обратно, когда к нему потянулась грубая рука.

– Милли, – рявкнуло существо. – Иди-ка сюда! Ты только глянь!

На что там глядеть, Чарльз не слишком понимал. Этот снимок... Пожалуй, именно он и убедил его, что надо ехать. Сколь бы ни велика была любовь Августы к этому проходимцу, ей, такой хрупкой и утонченной, совсем не место в Диких Землях.

Бледная девушка на снимке если и напоминала Августу, то лишь чертами лица. Сестра, и прежде не отличавшаяся полнотой, похудела вовсе уж до призрачной бледности. А строгие черные одеяния – Августа прежде в жизни не надела бы ничего подобного – лишь подчеркивали и худобу, и общую болезненность облика. Но главное даже не это. В конце концов, Августа никогда не любила путешествовать. Главное, что она больше не улыбалась.

Совсем.

А выражение ее лица! Странное, виноватое, совершенно несчастное. За спиной Августы стоял мужчина – крупный и не сказать чтобы красивый. По-хозяйски положив руки ей на плечи, он выглядел вполне довольным.

И что она только в нем нашла?

Самовлюбленный тип.

Нехороший.

Наглый.

Чарльз заставил себя дышать ровнее. Маменьке он снимок не показывал. Маменьку он вовсе не стал волновать, благо Императрица вошла в положение и призвала ее ко двору, якобы по срочной надобности.

Пускай.

Главное, время выиграла. А там... Чарльз найдет сестру. С чьей-то помощью или без, но найдет непременно. И вернет домой.

– Надо же. – Девушка наконец выползла из своего угла. При ближайшем рассмотрении она оказалась... интересной.

Да, пожалуй.

Высокая.

Неприлично высокая для женщины. Худая, смуглая и темноволосая. Узкое лицо ее обладало чертами чересчур резкими, в которых угадывалось присутствие иной крови, что девушку несколько не портило.

Резкие острые скулы.

Треугольный подбородок. Изящный нос. И узкие приподнятые к вискам глаза. Темные волосы заплетены в косы, украшенные резными фигурками. В левом ухе девушки висела крупная жемчужина того насыщенного цвета, который не случается сам по себе.

Оберег?

И судя по отголоску Силы – старый, настоявшийся, что весьма... странно.

Впрочем, сейчас Чарльза волновала не столько эта девушка, сколько презадумчивое выражение ее лица, которое подсказывало, что эти двое увидели на снимке что-то, самим Чарльзом пропущенное. А уж он-то все внимательно изучил через увеличительное стекло – и снимок, и пластину, за которую пришлось платить отдельно.

– Машман, – сказала девушка и дернула себя за перо, что торчало из косы. Перья были длинными и выкрашенными в разные цвета.

Пожалуй, маменька сочла бы сию особу варварски великолепной.

Попросить у девушки фото на память? Все одно письмо домой придется писать. И еще надо подумать, что бы такого в нем написать, чтобы и не врать слишком уж откровенно, и маменьку в волнение не ввести.

– Вот и я думаю, – согласилось существо и поглядело на Чарльза с жалостью.

Даже неудобно как-то стало.

– Простите, не понимаю. – Чарльз считал себя человеком глубоко воспитанным, а потому вложил в эту фразу всю бездну своего недоумения и желания разобраться, что же такого они увидели.

И кто такой машман.

И почему...

– Машман, – повторило существо, ткнув пальцем в снимок. – Видите?

– Нет, – признался Чарльз.

Существо поглядело на Чарльза с упреком: как это, не знать, кто такие машманы и чем они от обыкновенных людей отличаются. После же потерло пальцем заплывший глаз и соизволило-таки пояснить.

– Община у них. Там. – Громила махнул рукой на стену, которая некогда была весьма себе приличной, крашеной в нарядный бледно-розовый цвет. Теперь краска местами выцвела, местами облезла. Впрочем, большей частью ее закрывали характерного вида листы с портретами. Над рожками, чем-то неуловимо похожими друг на друга, вероятно стилем работы тюремного живописца, виднелись надписи «Разыскивается». А под ними – суммы. Некоторые листы были перечеркнуты, на других стояли отметки, третьи, явно добавленные недавно, выделялись относительной чистотой бумаги.

– Так вот, о машманах. – Девушка с грохотом подтянула к себе трехногий табурет и взгромодилась на него безо всякого девичьего изящества.

Чарльз поспешно отвел взгляд.

Он вовсе не собирался пялиться на ноги этой девушки, пускай она и выставила их на всеобщее обозрение.

И с каких это пор девушки носят штаны?

Впрочем, возможно, в здешних местах – надо полагать, исключительно диких – сие вполне обыкновенно. А потому не следует демонстрировать свое удивление. И вообще.

– Машманы – это люди пророка Ма-Ашшам. – Девушка поерзала, табурет опасно закачался, и Чарльз поспешно вскочил, ибо был человеком воспитанным, да и собственный стул не внушал ему доверия. Но девушку, глядишь, и выдержит. – Он тут объявился...

– Да, почитай, уж лет двадцать тому назад, – задумчиво произнесло существо. – Или даже больше.

– Точно больше.

– Ага, меня тут не было.

– Надо у матушки спросить.

– Спросим. – Эти двое переглянулись и кивнули, приняв решение. А после девушка заговорила:

– Они основали общину. Свободную, как говорят. Устроились неплохо, в Змеиной Долине, там аккурат деревня вымерла, то ли от оспы, то ли от краснухи, то ли просто вырезали. Но орки из этих мест всяко откочевали. После-то пытались вернуться, но община отбилась. Да...

– Живут своим правом.

Почему-то спокойствия эти новости не добавляли.

– Верят в пророка. Но так-то люди тихие, безобидные, если к ним не лезть.

– А...

– Вот. – Тонкий палец, правда, без маникюра, вновь ткнул в снимок. – Видите? У него на шее.

– На шее?

Чарльз склонился над фотографией. На шее у потенциального родственника и вправду было какое-то пятно, но его Чарльз, говоря по правде, принял за обыкновенный дефект фотографической пластины.

– Это хвост Великого Змея. Всем мужчинам, которые прошли посвящение, наносят рисунок.

На столе появилась лупа, которую Чарльзу протянули весьма вежливо. А он так же вежливо принял. Правда, особой пользы она не принесла. Снимок, отпечатанный на не самой луч-

шей бумаге, был крупнозернистым, и пятно оставалось пятном, даже если смотреть на него вооруженным глазом.

– Еще на руке, вот, тут виднее. – Девушка повернула фотографию. – И белая лента на шляпе. Так что не думайте, не случайное пятнышко-то.

– И главное, рожа знакомая, – осклабилась нелюдь. – Я его точно видел.

– Да кто же не видел?

Девушка тоже осклабилась, правда, в отличие от родственника зубы у нее были целыми, да и клыки не выпирали. Что не могло не радовать.

– Это один из сыновей пророка. В прямом смысле слова. – Она плюхнулась на табурет, который вновь закрипел, но, к величайшему удивлению Чарльза, не развалился. – У пророка семьдесят пять жен.

– Сколько? – Вот теперь Чарльз по-настоящему удивился.

Он и с одной-то еле справлялся. То есть не с женой, счастливого брака удалось избежать невероятными усилиями, хотя надо полагать, теперь маменька удвоит рвение в попытках его женить. И думалось об этом не слишком радостно.

А тут семьдесят пять!

– Вообще-то, все женщины общины считаются его женами. – Нелюдь сцепил руки на груди. – Он может призвать к себе любую, которая понравится.

– А как же их... мужья?

– Будут рады, а уж если та понесет... Впрочем, все дети общины считаются детьми пророка.

Чарльз закрыл глаза, успокаивая гнев и Силу, что в последнее время бурлила бесконтрольно. Не иначе, от нервов.

– Но на самом деле он всегда точно знает, в ком есть кровь Великого Змея. И да, своих дочерей он берет в жены в первую очередь.

– Это же...

– Это свободная община, – пояснила девушка и поморщилась. – А еще у них есть пушка, маги и ружья, потому их, конечно, недолюбливают, но воевать...

– Все одно кроме пушки, магов и ружей там взять нечего, – добавил ее брат-страшилище.

– И как же мне быть?

Почему-то подумалось, что предыдущий его план, явиться и потребовать сестру, не выдержит столкновения с реальностью.

– Подумать надо.

– И матушку спросить, – добавила девушка, почесав щеку. – Матушка точно знает.

Чарльз лихорадочно шевелил мозгами. А что, если обратиться к шерифу? Должен же быть в этом захолустье шериф. И вообще какие-нибудь войска. Можно им заплатить или...

Там, дома, ему доходчиво объяснили, что Августа – особа совершеннолетняя, вольная поступать так, как ей самой заблагорассудится, а потому искать ее полиция не станет.

Что-то подсказывало, что здесь ответят примерно то же самое.

Может, правда, не столь вежливо.

– А знаете что? – Чудовище громко хлопнуло в ладоши. – Приходите к нам вечерком. На ужин. Там и потолкуем, заодно матушка чем сподмогнет.

Еще чего не хватало!

Но вежливость требовала согласиться.

Прежде Эдди не слишком-то спешил тянуть в дом всяких там... Нет, притащил однажды щенка с перебитой лапой, потом еще сокола, которого сам выходил. Котенка горной пумы.

И так, по мелочи. Но это же другое.

– Гость? – Матушка если и удивилась, то виду не подала, но взгляд ее, полный задумчивости, обратился на меня. – Милисента, мне понадобится помощь.

Вот уж не было печали.

Нет, обычно я не против заниматься стряпней. Я даже умею. Мамаша Мо, которую, что характерно, тоже в дом притащил Эдди и случилось это лет десять тому назад, меня хорошо учила. Но одно дело сварить похлебку и лепешек напечь, и совсем иное – маяться дурью, придумывая чего-нибудь этакое.

Впрочем, с кухни меня скоро отослали.

Готовиться.

Ага. Можно подумать, я – рисовый пудинг, которому выстояться надо. Только разве с матушкой поспоришь? И к чему оно? Раз спровадили, я и пошла.

Не к себе.

К Эдди.

– Чего думаешь? – Братец отыскался, как и следовало ожидать, на конюшне. Огромная, она предназначалась для двух десятков лошадей, но ныне в ней стояли жеребец Эдди, на редкость пакостливая и кусучая скотина, моя Гроза и матушкина Сметанка, да еще ослик, на котором Мамаша Мо ездит в город.

Эдди вздохнул.

И глянул на меня искоса. Виновато так. Вот что-то не понравился мне ни взгляд этот, ни внезапно прорезавшееся гостеприимство братца. Ни запах, ибо пахло на конюшне не только лошадьми да сеном. Крыша еще когда проседать стала, но в дальнем углу. Теперь еще и мокро там, и опорные столбы подгнивать начали. И по-хорошему надо бы конюшню разобрать, снести лишнее, переложить стены.

А еще не помешает заговорить от крыс и прочей мелкой пакости, которая явно где-то гнездо свила. Я потянула воздух, пытаюсь уловить нужное ощущение. И пальцы сложила, позволив выбраться искре Силы.

– Конюшню не спали, – проворчал Эдди.

– Не спалю. Думаю, что девчонке конец.

Он опять вздохнул.

А чего тут вздыхать-то, когда все ясно? Встречалась я с этим самым пророком, который объявил себя потомком Великого Змея. Случайно вышло, но все знают, что он по осени является в город, да не просто так: у Бетти с ним договор, ибо не по доброте душевной собирает она в своем борделе сироток.

Пророк за сироток платит.

Особенно за девочек. Таких вот бледных и хрупких, как та, что глядела на меня со снимка. И главное, что все об этом знают, но...

– А какая еще у них дорога? – сказала мне Бетти, когда я не сдержалась. – Или думаешь, шлюхой быть веселее? А там он, конечно, попользует, но и мужа каждой потом найдет. И будут они жить в тепле да сытости.

И наверное, в чем-то она была права.

Поэтому и смотрели на ее дела сквозь пальцы. Да только одно дело сироты, которые хлебанули горя и поняли, что в жизни им не особо рады, и другое – хрупкая девушка, урожденная графиня.

Такая и руки на себя наложит, ежели что.

– Попробовать стоит, – сказал тихо Эдди. – А деньги нам нужны.

А то я не понимаю, что нужны. Дел-то таких, за которые платят, немного. Вот и перебиваемся свободной охотой, чему Эдди совсем не рад, но понимает, что один не справится. А я ловкая.

И сильная.

И стреляю отлично. Вот только за Билла ему всего две сотни дадут, которых едва хватит, чтобы со старыми долгами расплатиться да угля купить.

– Попробуем. – Мне было жаль девицу.

И если братец ее решит вздернуть новообращенного родственничка, то веревку я ему подам с превеликой радостью.

– Милли. – Эдди чистил жеребца остервенело, и тот замер, чувствуя настроение хозяина, только на меня косился, будто я виновата. – Постарайся вести себя... ну...

– Как?

– Как надо.

– А как надо?

– Милли!

– Что? – Не то чтобы я не понимала. Понимала, только понимание это не радовало совершенно. Опять они с матушкой сговорились за моей спиной.

Для моего же блага.

– Уезжать тебе надо отсюда. – Эдди отвел взгляд.

– Куда?

– На Восток.

– Зачем?

Глупый разговор. Ведь переговорено уже не раз и не два. И... может, в чем-то он прав, здесь я вряд ли найду кого-то толкового, чтобы надежный и верный, чтобы любил, чтобы... не как папаша. Но и там меня никто не ждет. Будто я не видела, как этот графчик на меня поглядывал.

Небось, там, на Востоке, все девицы воспитанные до жути.

Ходят в платьях.

Целыми днями волосы укладывают да букеты составляют. Или говорят о чем-то этаким, моему уму недоступном. И вот кем я там буду?

– Ладно. – Эдди рукой махнул и шлепнул жеребца по крупу. – Как-нибудь да сладится. Матушку не огорчай!

Не огорчу. Можно подумать, я ее люблю меньше. Хотя... я-то люблю, а вот Эдди матушку боготворит. И потому говорить ему про Доусона с его планами никак не можно.

С этой мыслью я и отправилась к колодцу.

Водопровод в доме имеется, да только заклятья давно выветрились, а может, воды опустились. Неважно. Все одно старый маг, обновлявший заклятья за небольшую плату, позапрошлым летом упился вусмерть, а нового водника взять неоткуда.

Вот и приходится довольствоваться колодцем.

Я умылась.

И волосы заплела, получилось даже почти ровно, но матушка все одно покачала головой.

– Какая же ты... – сказала она тихо, а я склонила голову, показывая, что сама знаю, какая я.

Слишком... не такая.

Даже по меркам Последнего Приюта не такая. Высокая. Тощая. Безгрудая. И наглая. Когда-то давно, лет этак в пятнадцать, я еще надеялась, что стану нормальной. И платья, матушкой сшитые, носила. И бегала на танцы в амбар старого Руди. И всю ночь стояла у стенки, жадно глядя на то, как другие веселятся. А потом поняла, что, сколько бы кружев матушка не нашивала, какие бы фасоны ни выдумывала, ничего-то не изменится. Я навсегда останусь дочкой Безумного Дика, даже не полукровкой, а... В общем, как поняла, так в амбар больше и не заглядывала. И платья сменились куда более удобной одеждой.

– Думаете, этот граф поможет? – спросила я матушку, когда та ловко разобрала мои космы. Волосы у меня, в отличие от матушки, тяжелые, жесткие, что конская грива. И укладываться не желают. Но матушка как никто другой умела с ними справиться.

Сейчас вот тоже, гребнем провела раз, другой и...

– Смотря в чем. – Матушка отложила гребень.

Она тоже косу плела, но какую-то совсем не такую, как у меня. Узором. И ленты шелковые ее слушались, не выскальзывали, не норовили запутаться.

– Эдди прав, дорогая моя. Тебе стоит уехать отсюда. Это место... Оно не годится для тебя.

– А для тебя годится?

– Я привыкла. – Матушка отвернулась, но пальцы дрогнули.

– Доусон тебе нравится?

– Он хороший человек. Спокойный. Надежный.

– А ты... ты не хочешь уехать? – Я перехватила ее руку.

– Куда?

– Не знаю. Домой? У тебя ведь... У нас ведь есть какая-то родня там, на Востоке?

– Какая-то есть, – не стала спорить матушка, хотя о той своей жизни она говорить не любила. – Но... не думаю, что они обрадуются моему возвращению.

Ее лицо сделалось таким умиротворенно-спокойным, что я сразу доперла: родня там не самая любящая. Так все одно родня... нет, Доусон и вправду неплохой мужик.

Я узнавала.

И пить не пьет, и играть не играет, и даже в бордель не заглядывает. Поместье у него опять же хорошее, хозяйство крепкое, а главное, нет привычки пропадать, как у папаши.

– Но все-таки. – Почему-то сегодня мысль о Востоке не отпускала. – Ты не думала об этом? Вдруг тебя тоже ищут?

– Если бы искали, то нашли бы. – Матушка завязала пышный бант и ловко вытащила прядку волос. – Я не пряталась.

Затем подошла к шкафу и, распахнув его, замолчала. Ну, платьев-то у меня навалом. Матушка отчего-то вбила себе в голову, что даже если я их не ношу, то иметь обязана. Но, верно, для сегодняшнего ужина ей хотелось обрядить меня во что-нибудь этакое.

Спорить я не собиралась.

Ни к чему матушку из-за ерунды огорчать. Хочется ей меня в платье увидеть? Пускай себе.

Глава 3, *где проходит семейный ужин, а гость узнает о том, откуда взялись машманы*

Признаться, от сегодняшнего ужина Чарльз ничего хорошего не ждал. Он вообще весьма смутно представлял себе, чем именно может помочь беседа с некой женщиной в его проблеме.

Августа...

Любимый балованный ребенок, который ни в чем не знал отказа.

И вот чем это кончилось.

Душа требовала бросить все и немедленно отправляться в треклятую Змеиную Долину или как ее там. Маги? Чарльз как-нибудь да справится. Можно нанять еще людей. Сотню. Две. Да хоть тысячу. Правда, имелись некоторые сомнения, что в этом захолустье в принципе можно набрать тысячу человек.

А он к ужину готовится.

Чарльз умылся, насколько это возможно. За горячую воду потребовали пятьдесят центов и еще двадцать пришлось заплатить престарелому, но крепкому орку-полукровке, который эту воду поднял в номер, а после убрал. Причем совершенно парадоксальным образом после мытья Чарльз чувствовал себя грязнее, чем до него.

Костюм успел измяться в чемодане.

От свежей рубашки почему-то пахло пылью и плесенью. Аромат же туалетной воды показался на редкость едким.

Ничего.

– Экипаж? – искренне удивился тот же полукровка. – Эт вы, господин, сказанули...

Откель здесь экипаж?

И вправду.

Местные реалии продолжали радовать Чарльза.

– Мы тут верхами больше. – Орк глядел с насмешкой. – Но можно у Бетти поспросить... она порой шлюх на пастбище возит.

Только этого не хватало.

И как прикажете быть? Идти пешком? Этак Чарльз хорошо, если к утру доберется.

– Тогда вот. – Пришлось расстаться с еще одной монетой. – Будь добр, отыщи мне лошадь.

Про букет цветов, который следовало бы поднести хозяйке дома, Чарльз решил не спрашивать. Что-то подсказывало, что в Последнем Приюте цветочных лавок нет.

Впрочем, лошадь ему нашли, и не слишком плохую, да и тот же орк вызвался проводить к поместью Бешеного Эдди, а то ведь господин и заблудиться может. Или заехать не туда. Куда? А мало ли... уж больно господин выглядит прилично. Такому человеку, куда ни поедь, все не туда будет.

Народишко-то вокруг бедовый.

Поместье именовалось «Старые клены», хотя ни единого клена рядом Чарльз не увидел. У ворот росла лишь чахлая акация, кривая, какая-то на редкость уродливая и колючая.

– Раньше-то все окрестные земли ихними были. – Орк, получив плату, сделался несколько более дружелюбен. – Вона, там еще пастбища были. Табуны. Старый Кло известным табунщиком был. С племенами водился, это да... и жену взял честь по чести, потому-то его и не трогали. Все мечтал, что сынка своего на Восток отправит, выучит и будет тот жить человеком.

Сказал и на Чарльза глянул.

Чарльз тем временем рассматривал дом, который явно знал лучшие дни. Ныне же обветшал и покосился, как дерево у ворот. Стены повело, крыша съехала на бок, и даже веселенькая зеленая краска, которой хватило, правда, лишь на фасад, нисколько не спасала положение.

– Тот и поехал, – продолжал орк. – А вернулся с женой молодой. Поселил тут. И пытался вроде жить, как оно заповедано, да только... дурь не газы, в себе не удержишь.

Народная мудрость заставила Чарльза хмыкнуть.

– Вот сперва табуны проиграл, потом и земли... он бы и это все промотал, да только Старый Кло вовремя сообразил, что сынок у него дерьмовистый получился, и отписал, стало быть, усадьбу жenuшке его. А та пусть и любила муженька, но и о детях заботилась. Только ты это... господин... только не вздумай удивляться.

– Чему?

– А ничему. – Орк сунул за щеку полоску табака. – Эдди нервный. И сильный. А потому нечего тут... И коль назад поедешь, не чинись, проси, чтоб сопроводил. С Эдди связываться не рискнут.

И в чем-то людей, которые не рисковали связываться с Эдди, Чарльз понимал.

Позже он с удивлением вспоминал, какой представлял владелицу этого поместья.

Та оказалась совершенно другой.

Хрупкой, словно былинка.

Светловолосой. Светлоглазой. С чертами лица столь совершенно изящными, что не залюбоваться ими было совершенно невозможно. И даже платье простого кроя, шитое из какой-то возмутительно простой ткани – а женщины, подобные этой, должны носить исключительно шелка, – лишь подчеркивало тихую красоту хозяйки дома.

– Добрый вечер. – Он даже растерялся под взглядом этих светлых глаз. И тотчас укорил себя.

Поклонился.

Проклял мысленно за лень, ибо теперь казалось неуместным явиться сюда с пустыми руками. Мог бы остановиться, нарвать каких-нибудь цветов, а он...

– Добрый. – Голос женщины оказался низким и мягким. – К сожалению, мне давно не случалось принимать гостей. Простите за беспорядок.

В доме царило запустение.

Нет, его пытались обихаживать. И порядок здесь был идеальный, но... выцветшие обои. И старая мебель, ткань на которой протерлась, а латки, пусть подобранные в тон, все одно выделялись такими ранами. Едва уловимый запах пыли и плесени.

Сквозняки.

Старые фотографии, словно призраки чужой жизни.

Столовая, знавшая иные времена. Чарльз подозревал, что открыли эту комнату исключительно к его визиту. И скатерть извлекли из сундука, но освежить не успели, пусть и разгладили, однако она, эта скатерть, от долгого хранения пожелтела. Посуда была разномастной.

А хозяйка улыбалась.

И говорила.

Держалась мило. Выглядела очаровательно. И смутно напоминала кого-то. Нет, не внешностью, хотя, если верить старым снимкам, которые Чарльз успел увидеть, за прошедшие годы Элизабет Годдард изменилась крайне мало; скорее уж звуком голоса.

Жестами.

Поворотом головы. Мягкой улыбкой. И еще чем-то.

А ее дочь явно пошла в отца. От матери если что и взяла, то светло-серые, почти прозрачные, глаза. И привычку склонять голову, будто прислушиваясь к чему-то. А так... Высо-

кая. Нескладная. И платье из светло-зеленой ткани ей, конечно, идет, но не настолько, чтобы сделать красивой.

Да, определенно, Милисенту Годдард нельзя было назвать красавицей. Однако что-то в ней все-таки притягивало взгляд. Вероятно, экзотичность. Следовало признать, что девицы, с которыми Чарльза знакомила маменька, обладали совсем иной внешностью.

О цели его визита леди Элизабет – а именовать ее просто миссис Годдард у Чарльза язык не поворачивался – заговорила, лишь когда подали десерт.

Подавала его хмурая женщина-орк, на редкость темнокожая даже для ее расы. И столь же недружелюбная.

– Что касается вашего дела, – вздохнула леди Элизабет, – то оно представляется мне крайне непростым. Я знакома со Змеем. – Она слегка поморщилась, показывая, что знакомство это не делает ей чести. – Именно мой покойный супруг привел его в Долину.

– Мама? – Эдди, который ради праздничного ужина напялил сюртук из лилового сукна, нахмурился.

– Я тогда только-только приехала. И была полна надежд. А еще весьма наивна. Ваш дед уже болел, и серьезно. Он отошел от дел, надеясь, что мой супруг... – она упорно не называла мужчину с семейных фотографий по имени, тем самым словно подчеркивая, что, несмотря на супружество, он оставался для нее человеком далеким, – справится с поместьем. Змеиный Дол когда-то принадлежал нам. Вернее, был частью земель, которые племя уступило Годдардам как приданое за своей дочерью. Земли не самые лучшие, ибо в те времена воды там не было, а потому Дол представлял собой кусок степи. Там и трава-то не росла.

– Проклятое место. – Темнокожая служанка произнесла это, добавив пару слов на своем наречии.

– Именно. Гремучников там водилось много. Но ваша бабушка умела их заговаривать. И одно время семья торговала ядом, однако мой муж талант не унаследовал, после и вовсе земли продал.

Взгляд леди Элизабет затуманился.

Никто за столом не посмел прервать ее воспоминания.

– Потом, позже, этот человек еще не единожды появлялся в нашем доме. Сперва, пока был жив ваш дед, он занимал сторожку, не желая показываться на глаза. Но вскоре освоился и здесь. Это не было приятным знакомством. Великий Змей... Сам он называл себя так, но мой супруг знал его имя.

– И? – Чарльз все-таки позволил проявить себе нетерпение.

– Уильям. Уильям Сассекс. Он родом с Островов.

– Он...

– Родной брат герцога Сассекса. Того, прошлого, который скончался несколько лет тому назад. – Леди Элизабет позволила себе улыбнуться. – Не удивляйтесь, и в нашей глуши что-то да знают о большом мире. Так вот, насколько я поняла, он был вынужден бежать. Уж не знаю, какие преступления он совершил, однако, полагаю, дело достаточно серьезное, если при всем своем могуществе Сассексы предпочли не замять его, но расстаться с Уильямом. Он получил некую сумму и пожелание исчезнуть, которое и выполнил.

Сассексы?

С Сассексами Чарльз был знаком, пусть знакомство сие и нельзя назвать близким. Маменька с кем-то переписывалась, кажется, то ли с кузиной, то ли с троюродной бабушкой, а может, и с той, и с другой. Чарльз не интересовался. И все-таки странно.

– Я предполагаю, с чем это связано. Но, боюсь, связана клятвой. Так уж получилось, что однажды моему супругу понадобилась помощь Уильяма. И она была оказана. И да, Уильям не обманул. Правда, все получилось совсем не так, как желал муж, но в том не было ничьей вины. Просто... судьба.

Сассексы и...

Чарльзу приходилось признать, что его представления о Диких Землях несколько отличаются от реальности.

– Уильям сложный человек. Весьма харизматичный. И мой супруг на некоторое время попал под его обаяние. Впрочем, не настолько, чтобы работать вовсе бесплатно. – Теперь в улыбке леди Элизабет выделась печаль. – Они стали партнерами. И мой муж помогал возродить Долину. Он взял на себя поставки. Деревя. Людей... Выкупал в Уитшипере невест, кажется даже имел долю в этом предприятии.

Про невест Чарльз не очень понял. И его непонимание не осталось незамеченным.

– Здесь сложно с женщинами. Если некоторые потребности тела удовлетворить еще можно, то вот создавать семью просто-напросто не с кем. Тогда-то и придумали заключать контракты. На Островах много девушек из бедных семей, почти не имеющих шанса на замужество. Сироты опять же. Да и в целом... иногда семье проще продать подходящую девицу, чем кормить ее.

Она говорила об этом спокойно, даже отстраненно, а вот Эдди согнул вилку – очень уж разволновался. Правда, тотчас смутился, убрал руки под стол и разогнул. Леди Элизабет сделала вид, что не заметила.

Чарльз тоже.

Вилки чужие, ему ли до них дело.

– Семьям девушек даже платили что-то. Заключали договор, который гарантировал замужество.

– Но за соблюдением его следить было некому?

– Именно. – Леди Элизабет слегка нахмурилась. – Мне не стоило говорить об этом, но здесь быстро забываешь, что такое приличные темы для беседы. Как бы то ни было, предприятие существовало на деньги Уильяма, мой же супруг был поверенным. Девушек продавали на аукционах. И здесь уже все зависело от того, кто покупатель. Кто-то и вправду приобретал себе жену. Но большей частью несчастные уходили в... определенного рода заведения, где на них вешали долг за перевоз и обслуживание.

Да уж, неприятная тема.

Не для вечернего чаепития. И маменька определенно пришла бы в ужас. Тем лучше, что ее здесь нет. А Чарльз должен знать, что его ждет.

Вернее, сестру.

Но о том он старался не думать.

– Некоторых девушек Уильям оставлял себе. Многие мужчины тоже поселялись в Змеином Доле. Я не уверена, что все они местные, скорее уж по некоторым обмолвкам можно судить, что вслед за Уильямом прибыли его... скажем так, единомышленники.

– И никого это не беспокоило?

– Кого? – Леди Элизабет приподняла бровь. – Землю он купил честно. В местные дела не лез, а остальное... никто не жаловался. Здесь не принято лезть в дела соседей. Хотя... лет пять назад, Эдди, ты должен помнить, случился конфликт, когда дочь мирового судьи объявила, что жаждет душевного просветления и уходит в общину.

– И?

– И ушла, – прогудел Эдди. – Дура она была. Полная.

– Была?

– И осталась. Я так думаю. – Вилку Эдди положил рядом с фарфоровым блюдом. – На самом деле сбежала. Взяла в сопровождение двух невольников, няньку да отправилась искать приключений.

– Уильям вернул ее.

– Вернул?

– Еще до того, как судья созвал... желающих прогуляться в Долину. Самолично явился. – Леди Элизабет сцепила тонкие пальцы. – И девушку привез, и невольников, и няньку. После долго беседовал с судьей Смитом, и на следующий день Нэнси отправили в Бристон, к тетушке.

– Но почему...

– А зачем она ему? – В глазах леди Элизабет таилась бездна терпения, без которого в этой глуши, кажется, не выжить. – Что он получил бы с нее, кроме проблем? Смит злопамятен. А война никому не интересна. Главное, что после того машманы стали показываться в городе. Нечасто, да, но... впечатление произвести они умеют. Женщины в темных платьях. Мужчины, которые не пьют, но с оружием. Они стали торговать. Виски. Звериные шкуры. Вяленая рыба. Змеиный яд опять же. А судья Смит довел до сведения всех, что не стоит задирать хороших людей. Потом к ним ушла Веселая Мэри, решив начать новую жизнь...

О старой Чарльз догадался по прозвищу.

– ...И объявилась весьма скоро, стала рассказывать подругам о том, до чего неплохо там живется. О доме, о муже. В общем, еще несколько девушек решили переменить судьбу, что вызвало некоторое недовольство. Однако вновь же Уильям счел нужным разрешить конфликт.

– Забашлял.

– Выкупил, Эдди. Или, правильнее будет сказать, закрыл долги. И заявил во всеуслышание, что община будет рада принять любого, однако сперва этот человек должен или решить свои дела в миру, или же обратиться к Уильяму за помощью, а тот, в свою очередь, подумает, стоит ли связываться.

Хитрый, засранец.

Чарльз весьма сомневался, что этот самый Уильям так просто берется спасать всех.

– К слову, после этого ни Мэри, ни ее подруги в городе больше не показывались, с чего пошли слухи, что жить среди машманов не так и хорошо. Во всяком случае, я не слышала, чтобы кто-то еще ушел к ним. Хотя порой в городе и появлялись молодые пары, которые вскоре исчезали на дороге в Змеиный Дол.

Как Августа.

Чарльз закрыл глаза, силясь справиться с болью и страхом. И совестью, которая нашептывала, что он сам виноват. Не уследил. Не заметил. Не... И вообще, сразу надо было ехать, а не слушать советчиков.

«Напишет».

«Вернется!»

«Да куда ей деваться от семьи...»

Выходит, что есть куда.

– Вам следует взять с собой Милисенту. – Этот поворот беседы был для Чарльза, мягко говоря, неожиданным.

Причем, кажется, для всех остальных тоже, включая саму девицу, до того с преунылым видом ковырявшую пудинг.

– Уильям сильный маг. Очень сильный, – леди Элизабет снизошла до объяснений. – Вам, возможно, будет неприятно слышать, но... вы слабее.

Стало и вправду неприятно.

– Силу его в той или иной степени унаследовали все сыновья. Именно потому война – не то, что вам нужно. Проникнуть в Долину незаметно, Эдди, тоже не выйдет.

– Но...

– Это весьма... специфическое место. По сути Змеиный Дол – узкая лощина, которая возникла между горами. Маги несколько изменили ее, расширили, однако естественная защита сохранилась. Ведут туда несколько дорог. По одной можно добраться верхом и даже с фургоном, прочие же – ну, для людей подготовленных преодолимы. Но и перекрыть их легко.

– Думаете, охраняются?

– Практически уверена. Уильям – человек очень осторожный. Изворотливый. Беспринципный. А потому самый простой вариант – просто объяснить ему свой интерес. И предложить сделку. От денег он не откажется.

Деньги, как подозревал Чарльз, старый засранец тоже получит, усилиями Бишопов, которые... надо бы у маменьки поинтересоваться, не приходится ли они какой-нибудь родней Сассексам? Скорее всего, приходится. Там, если копнуть, все друг другу в какой-то мере родня.

– А я зачем? – спросила Милисента.

– Затем, деточка, что условия могут быть разными. Уильям... – В руках леди Элизабет появилась серебряная ложечка, которая описала по столу полукруг. – Ко всему прочему, Уильям болезненно самолюбив. Незадолго до смерти моего супруга он появился в доме. Пришел предложить мне убежище. Дом, меня достойный.

Ее голос все-таки дрогнул.

– Он клялся, что оставит всех прочих жен, что, если пожелаю, оставит и Долину. Обещал увезти меня в Бристон. Много чего обещал.

– Вы отказались?

– Я была замужем. – Это прозвучало так, что и тени сомнений не возникло: сколь бы неудачным ни было замужество, но брачные клятвы для леди Элизабет – не пустой звук. – Тогда он сказал, что будет ждать. Что однажды я пойму, как нуждаюсь в нем. И приду сама.

– Вы...

– Милисента – моя дочь. Он помнит о ней.

– Помнит? – девица нахмурилась.

– Подарки на Рождество. – А вот братец ее был куда более догадлив. – Это от него?

– Да.

– И ты думаешь...

– Уильям, может, не лучший человек в мире, но далеко не худший. С вами он может просто-напросто отказаться разговаривать. А вот Милисенту выслушает. Только...

Она замолчала ненадолго.

– Эдди, она должна вернуться обратно.

– Да, мама.

Глава 4, *в которой герои обсуждают разницу между Востоком и Западом, а еще заключают сделку*

Рождество, стало быть.

Рождество я люблю.

Рождество всегда начиналось задолго до самого праздника с уборки, которая на время оживляла дом, позволяя надеяться, что в этом-то году все станет иначе. И я с остервенением натирала жалкие остатки столового серебра, в котором и серебра-то не осталось. Переставляла посуду в шкафах. Скребла полы и драила окна, пытаясь добавить мутным стеклам хоть каплю прозрачности.

Потом мы с матушкой спускались на кухню.

Рождественский пудинг – это... это серьезно. Но в кои-то веки готовка меня не раздражала, как и церковные гимны Мамаши Мо, которые та пела грудным низким голосом. И голос этот, кажется, проникал в самое мое нутро.

И наполнял весь дом.

Рождество.

Изюм. Орехи. Цукаты. Шоколад, что появлялся на столе. Толстая индейка, запеченная с травами. И огромная ель, которую Эдди притаскивал в Сочельник. Узор зеленых игл на полу. Запах хвои и праздника.

Подарки.

– Почему она мне не сказала? – спросила я, услышав, как застонал пол под весом Эдди.

– А это что-то изменило бы? – Брат мой, который умел двигаться совершенно беззвучно, теперь ступал нарочито тяжело, заставляя старые доски петь и плакать.

– Не знаю. Но... я ведь придумала.

– Что?

Он сел рядом.

Старое наше место. Тайное. Тогда, много лет назад, я сюда убегала, чтобы не слышать раздраженного голоса отца, перекрывавшего все прочие голоса. Здесь, на чердаке, было спокойно.

И не пахло потом.

И спиртным.

– Историю. Будто где-то далеко у нас с тобой есть добрый дедушка Уилли... Он ведь так подписывался, да? И он живет где-то там. Он очень старенький и потому не может приехать. Но однажды я соберусь и отправлюсь к нему в гости.

– Вот и отправись, – хмыкнул Эдди.

И вот однажды, после очередного возвращения отца, я поднялась на чердак и обнаружила, что убежище мое занято.

– Наверное, глупо обижаться... Почему она их передавала?

– Подарки? – уточнил Эдди.

Я кивнула.

Мы не дрались. Просто смотрели друг на друга. Я видела перед собой настоящего дикого орка, а он – девочку из хорошей семьи, ибо в присутствии отца мне следовало быть именно такой. А потому из сундуков доставались платья и панталоны, кушаки, платки и платочки, перчатки...

Как же я их ненавидела.

– Почему нет?

– Не знаю. Мне показалось, что она его... недолюбливает.

– Может, и так.

– Но подарки принимала?

– Подарки – дело хорошее.

Вот ведь засранец. И понимает же распрекрасно, о чем я. Может, конечно, и хорошее, но...

– Помнишь ту куклу? В платянице. Ты с ней спала. И ела. И вовсе не выпускала из рук. Она и сейчас у тебя сидит в спальне.

Сидит.

Ему жалко, что ли? А кукла... нет, в куклы я давно уже не играю; наверное, почти сразу после того, как Эдди взялся учить меня стрелять, бросила. Но мисс Китти – это не просто кукла.

Она красивая.

Чудесная.

И я помню свой восторг. И утро то помню. Отец, к моей огромной радости, не приехал. И потому утро было тихим. Снега насыпало по самые окна. И похолодало ощутимо. Пол кусался, но я кралась к елке, гадая, что мне принесли лесные духи.

А там...

– Думаю, мама просто... не могла себе такое позволить, – Эдди вздохнул.

Он старше.

И умнее.

И тогда в детстве первым протянул руку и сказал:

– Ты слабая.

– Сам такой.

– Слабая. Я буду тебя защищать.

Ну как сказал? Почти прорычал. Но я ничуть не испугалась, хотя никогда не видела прежде живого орка так близко. И спросила:

– А перья дашь потрогать? И волосы заплести надо.

Волосы у него, как и у меня, темные и жесткие, а тогда еще все время норовили запутаться, но он позволил расчесать себя. И я пыхла, стараясь подражать матушке, чесала, разбирала пряди, ровняла пробор. Как он только выдержал?

– А сладости... у нас вечно не хватало на сладости. Только иногда. – Он махнул рукой. – Но если не хочешь, оставайся дома.

– Ты же знаешь, что не останусь.

– Знаю.

– И не из-за денег. Та девушка, мне ее жаль. Думаешь, вытащим?

– Постараемся.

Рядом с Эдди всегда было спокойно, и я позволила обиде исчезнуть. В самом-то деле, какая разница, кто присылал шоколад или медовые орешки? Главное, что на Рождество мы устраивали себе маленький праздник. И это мои воспоминания.

Что до остального, то Эдди не позволит случиться плохому.

И я закрыла глаза, чувствуя, как в душе вновь воцаряется мир.

Чарльз не удивился, когда в дверь постучали. Он ждал и визита, и разговора, ибо было очевидно, что полукровке-орку что-то от него, Чарльза, надо. И отнюдь не денег.

А потому ждал.

Еще тогда, за ужином, леди Элизабет сказала, что возвращаться в город смысла нет, что всяко удобнее остановиться у них, пока дело не сладится, ведь дом большой и места в нем довольно. А Чарльз не стал отказываться.

Дом и вправду большой.

И гостевые комнаты в нем тоже нашлись, правда, если кто в них и гостил, то давно. Нет, здесь было чисто. Ни пыли. Ни плесени. Лишь характерный запах застоявшегося дома. Рассохшийся пол. Обои в трещинах. И старая кровать. Матрас соломенный, но солома свежая.

Ждали?

Готовились?

К чему?

– Можно? – поинтересовался Эдди. – Поговорить надо.

И приглашающе поднял бутылку из мутного стекла. Чарльз покачал головой. Вряд ли стоило надеяться на приличный брэнди, а орочий самогон – не совсем то, что пьют джентльмены. Хотя местным реалиям он соответствует куда больше.

– Думаете, завтра будут сложности?

– Будут. Непременно. – Эдди покачал кресло, прислушался к скрипу и, поморщившись, опустил на пол. – Не бывает, чтоб вовсе без сложностей.

Чарльз кивнул.

Но на пол садиться не стал. Впрочем, как и на стул. Местная мебель вызывала у него некоторые сомнения. А вот кровать выглядела достаточно прочной, чтобы не развалиться под его весом.

– Договор? – Эдди протянул руку. – Я вытаскиваю твою сестру. Ты помогаешь моей.

– В чем?

Чарльз прищурился. Что-то... нет, девица неплоха и по-своему интересна, экзотична весьма, однако это еще не значит, что он должен на ней жениться. А кажется, именно это и имелось в виду.

– Заберешь ее отсюда. – Эдди отхлебнул из бутылки и поморщился. – К себе. На Восток. Найдешь ей мужа.

– Гм...

– Им здесь не место. Ей уж точно. Да и матушке... Заглядывает к ней один тут. Я с ним побеседую, ежели чего. – Он бухнул кулаком по полу и пол загудел. А Чарльз подумал, что после такой беседы любой человек, коль намерения его в отношении леди Элизабет недостаточно серьезны, непременно отступится. – И с ней. Если захочет... но не захочет. Не станет возвращаться. Гордая. А Милли тут чужая.

– Почему ты так думаешь?

Вот не выглядела эта самая Милли здесь хоть сколько-нибудь неуместной. Скорее уж наоборот, сейчас она дома, тогда как на Востоке... Чарльз попытался представить ее в маменькиной гостиной и с сожалением был вынужден признать: не такое уж и богатое у него воображение.

– А что ее здесь ждет? – Эдди вновь протянул бутылку, и на сей раз Чарльз не стал отказываться.

Самогон был... скажем так, не коньяк и не бренди, но и не то дерьмо, которым торговали в местном салуне.

– Или подстрелят, или влюбится в какого-нибудь поганца. Неизвестно, что хуже.

– Думаешь, на Востоке поганцев нет?

– Хватает, но там ее не продадут в бордель. Или оркам. Или еще кому. У меня ведь работа такая... Сегодня живой, а завтра пуля в лоб. И что дальше?

В голове зашумело. И Чарльз признал, что пуля во лбу – так себе жизненный план.

– А если случится вдруг что, то завтра же дом полыхнет. Многие тут на нее злые. Гордая больно. Дерзкая. И языкастая без меры. Найдутся, которые захотят поучить.

Эдди вновь приложился к бутылке.

И рыгнул.

От этого звука по спине у Чарльза побежали мурашки.

– Там, глядишь, шанс будет. И Дар у нее сильный.

– Дар? – А вот это меняло дело. И Чарльз мысленно обругал себя: почему не присмотрелся? Привык, что на фронтире маги колья и встречаются, то редко. Впрочем, на Востоке их тоже не так чтобы много.

А уж среди женщин и подавно.

– От матушки унаследовала. Думаю, что от матушки. Правда... – Тут Эдди несколько замялся, глянул исподлобья, будто оценивая Чарльза, решая, стоит ли ему доверять.

От матушки вряд ли, подумал Чарльз. Прекрасная леди Элизабет несла в себе искру Дара, но слабую. Он и заметил ее лишь потому, как приглядывался.

– ...Отец ее из обычных был. А она вот такая уродилась. Не пойми в кого. Но тут мы не особо об этом болтаем. Сам понимаешь, узнает кто, и даже я не сумею уберечь. Но Дар крепчает, прорывается...

Девушка с сильным Даром – редкость. А уж в местах нынешних, если подумать, вовсе небывалая.

– Как давно открылся?

– Да вот как в возраст стала входить. – Уши Эдди запунцовели, что было по меньшей мере необычно. – Она тогда сарай дальний спалила. Из-за папаши. Матушка ее учила, но...

Чарльз потер переносицу.

И поглядел на орка, который с видом презадумчивым покачивал бутылку. Содержимое ее бултыхалось, и звук этот удивительным образом вписывался в стрекот сверчков.

– С ней по-нормальному надобно, – сказал Эдди. – Пока еще держалась. Пряталась. А месяца два назад брала одного умника... Прохвост еще тот, но за голову две сотни обещали. Неплохо, да. Я не знал. Тоже был на деле, а она заприметила. Пошла следом. Ходит Милли хорошо. Затеяла знакомство, думала взять по-тихому, а этот решил – раз девка, то и руки распустить можно. Уж не знаю, чего там у них вышло, но сдавать шерифу было нечего. Одни головешки остались.

Чарльзу подурнело.

Выходит, девчонка не просто маг, но... Сжечь человека не так просто, как полагают некоторые. Более того, люди горят с трудом, а уж до состояния головешек довести и вовсе...

– Перенервничала она. – Эдди явно оправдывался.

– И что... суд?

– Какой суд? – искренне удивился Эдди.

А Чарльз сунул пальцы под галстук.

– Прикопали по тихому, и все. Сам виноват.

– Ты понимаешь, что... – Чарльз махнул рукой, вдруг осознав: нет, не понимает. Его собеседник любит сестру, как любит и матушку, которая ему явно не родная, но упоминать о том не стоит, ибо ни к чему нервировать хорошего человека.

Нелюдя.

И глубоко плевать этому вот нелюдю и на пакт Пульмана, ограничивающий использование магических сил, и на все уложения Кодекса. И беспокоит его вовсе не факт убийства – которое он, к слову, не считает чем-то из ряда вон выходящим, если говорит о нем с такой бесхитростной простотой, – а лишь судьба сестрицы. В том плане, что пару ей и вправду найти не получится.

Мужа-то сжечь – это целая история. Не то что какого-то там мошенника.

Такие дела.

– Я не дурак, – тихо произнес Эдди, вздернув губу, а в полутьме блеснули клыки. – Но здесь свои законы. У кого сила, у того закон.

– На Востоке все несколько иначе.

– И это понимаю. Я знаю, что Дар у женщин – редкость. И гарантия, что этот Дар перейдет детям. А потому мужа ей там сыскать будет куда проще, чем здесь.

И желательно тоже одаренного – в достаточной мере, чтобы не превратиться в кучку пепла после какой-нибудь супружеской ссоры, подумал Чарльз.

– Она добрая. Ласковая. И матушка ее хорошо учила, только тут знания эти никому не нужны. Скажи нашим, что для рыбы особая вилка положена, так на смех поднимут. А то и пулю всадят.

– За что?

– Чтоб не выпендривался, – чистосердечно сказал Эдди. – Возьми ее с собой. Найди мужа. Нормального.

– А она согласится?

– Согласится.

Вот насчет этого Чарльз сомневался.

И не только насчет этого... но сомнения Чарльз разумно оставил при себе. А протянутую руку пожал, скрепляя договор.

Глава 5

О магах, Силе и окрестных пейзажах

Выезжали засветло.

Эдди заседлал лошадок, матушка собрала сумки, а я оружие проверила. Наше. К графчику, который прямо с утра на меня выпялился, будто диво дивное узрел, лезть не стала. То ли испереживался человек за ночь, то ли просто не выспался, мало ли. Главное, что сделался он нервозен до крайности.

А чего тут?

Поздно уже переживать.

Но хотя бы в седло сам забрался, а то ведь с этих, которые с Востока, всякого ожидать можно. Эдди, склонившись, подставил лоб под матушкин поцелуй, как делал всегда.

На удачу.

– Будьте осторожны, – сказала матушка, а потом тише добавила: – Не бойся, милая. Уильям не причинит тебе вреда.

Ну... оно-то, может, и так, но как-то слабо в это верилось. Да и усвоила я уже, что у каждого человека свое понятие о полезном.

Поехали.

Эдди впереди. Я за ним, а графчик наш следом. И главное, едет да спину взглядом сверлит, того и гляди насквозь просверлит. А я чего? Я будто и не замечаю. Только пояс с револьверами поправила на всякий случай.

Непонятно, что у него на уме. И не спросишь.

Усилием воли я отрешилась и от графчика, и от взгляда его. А там и отсекла внешнее, мешающее, сосредоточившись на Силе, что норвила выплеснуться волной, но мне-то иначе надобно.

Потихоньку.

Потихоньку сложнее всего, и книжка, Эдди купленная у нашего мага, если и помогла, то слабо. То ли не так я ее прочла, то ли Дар мой иного свойства, но...

Пусто вокруг.

Тихо.

Стая койотов улеглась возле обглоданной бизоньей туши. Хитрый лис прячется в кустах. Пара тетеревов да мелочь лесная вроде молодого зайца, что спешит уйти прочь. Нет, людей нет.

Кроме тех, которые рядом.

Я заставила себя дышать ровно, как в книге писано. Вдох. И выдох. И вдох. И Силу почувствовать. Правда, с последним как-то не очень получалось. То дыхание сбивалось, то Сила норвила вырваться.

– Если позволите... – От этого голоса я вздрогнула и едва с седла не свалилась, а со мною даже в годы юные этакого не приключалось. – Вы слишком стараетесь. Чересчур контролируете все. Ясно?

– Нет, – положила я руку на револьвер, показывая, что к задушевному разговору не расположена.

И вообще, как он понял?

– К слову, скрывать свою ауру у вас получается отлично. – Графчик подъехал ближе. – Признаться, даже я сперва не понял, что вы одарены.

Лучше бы и дальше не понимал.

Нет, теперь-то, в одежде обыкновенной, он на человека похож сделался. Только кожа чересчур белая да волос светлый уложен аккуратно. И как у него выходит-то? Даже под шляпой прическа не растрепалась.

Ишь.

И улыбается. Этак подозрительно дружелюбно.

– Оттого и удивительно. Работа с внешним слоем ауры требует высочайшего уровня контроля, и далеко не все маги способны скрывать свою одаренность.

– Это не я. – Руку с револьвера я убирать не стала. – Это Эдди.

– Ваш брат?

– Ага. Домой съездил. Камушек привез. На веревочке, – зачем-то уточнила я, глядя, как меняется выражение лица этого вот... графчика.

А ведь мне с ним ехать.

Потом.

Когда все закончится.

Нет, можно, конечно, и не ехать. Кто меня заставит? Точно не Эдди, но... он прав, если не во всем, то во многом. Может, нравом я и не удалась, но дурой-то никогда не была.

– Вы имеете в виду... орочий талисман? – тихо спросил граф, будто тут было кому, кроме койотов, подслушивать. Хотя тишину разорвал протяжный крик падальщика, от которого вздрогнули уже и лошади, и этот вот, белобрысый.

Я же молча вытащила камушек, который Эдди самолично повесил мне на шею, а веревку завязал тем самым узлом, который и сам вряд ли бы распутал. Веревка из буйволиной кожи плетеная и тоже непростая. В общем, как я подозревала, снять этот камушек можно, лишь голову мне отпиливши.

– Удивительно... – Графчик склонился ко мне и сам едва не свалился, правда, сумел-таки удержаться. – Признаюсь, на Востоке порой случается кое-что купить, но... о магии орков там ходят разные слухи.

Я кивнула.

– С ним легче.

Камушек был обыкновенным.

С виду.

Беленьким, гладеньким, слегка кривоватым и с дыркой, которая явно не сама собой возникла. Его хотелось гладить, и к коже он льнул, успокаивая. Иногда камень раскалялся, а порой делался вовсе холодным, но я привыкла.

С ним хотя бы Сила успокоилась, а то ведь так и норвила выплеснуться.

Графчик потянулся к седельным сумкам, явно надеясь вытащить из них что-то нужное, но после передумал. И то верно, дорога постепенно сужалась, а из сухой травы вдали стали подниматься узкие спины горных перевалов. Пока они гляделись как камни, что прорывали хилую шкуру земли, но я знала, что постепенно камней станет больше, а после они и вовсе сольются в темно-бурое, словно освежеванная туша, тело Драконьей скалы. Эдди сказывал, что когда-то здесь и вправду водились драконы. Он даже зуб как-то притащил, преогромный, и мы его хранили, а потом показали матушке, а она сказала, что это не дракон, но древний зверь из тех, которые давным-давно вымерли. Сначала было обидно, но потом мы покумекали и решили: почему бы древнему зверю драконом не быть? То-то и оно... Скалы тут не сказать чтобы вовсе непроходимые – если знать дорогу, то можно и на ту сторону перебраться. Правда, ничего-то хорошего там нет.

За хребтом начинались земли сиу, а те к чужакам относятся... В общем, хорошо, что горы высокие.

– Гм... полагаю, он выполняет роль искусственного стабилизатора потоков, – глубоко-мысленно заявил графчик и нос поскреб. Шляпу-то он взял модную, с узенькими полями, а потому хоть и сидела она преотлично, но тень давала слабую.

Вон и нос уже покраснел, а к вечеру и вовсе сварится.

Сказать, что ли?

Или не говорить? Эдди как-то обмолвился, что не стоит мешать людям самоубиваться.

– Однако вам все одно надо учиться.

– Надо, – согласилась я.

Вот кто бы спорил? Я ведь не против. Одно дело, когда вспыхивает урод, который накинул тебе на шею удавку и душит, зная, что никуда-то ты не денешься, а еще нашептывает на ухо всякое-разное про то, что с тобою, придавленной, сотворит. Его не жаль было. Но вместе с тем не отпускала мыслишка: что, если вдруг в следующий раз Сила вырвется на другого человека? Такого, который не заслуживает быть сожженным? Или вовсе на кого из своих.

На Эдди.

Или матушку.

Мамаша Мо порой доводит меня до белого каления своими гимнами, распевать которые она повадилась на рассвете, а дом наш старый. Пастор тоже надоедливый. Вечно пеняет мне за отсутствие набожности и поведение, не подобающее приличной девице. Сам-то он человек неплохой, но работа такая. И что, если... Или вот Салли, дочка шерифа. Вечно она надо мной смеивается со своими подружками.

Проклятье.

– Главное – сохранять душевное равновесие. – Графчик оживился, верно решив, что если тут вокруг тихо, то и поболтать можно. – Помнить, что ваша Сила не причинит вам вреда.

– Еще не хватало, – буркнула я.

– История знает всего несколько примеров, когда Сила разрушила носителя, но это скорее исключение из правил.

– Утешает.

Я опять прислушалась к себе.

И на Эдди поглядела. А тот обернулся и кивнул: мол, все спокойно. Что ж, раз так... Сила силой, но Эдди я верила больше, чем себе. Он умел слышать.

– Гм... да... пожалуй. В общем, не пытайтесь ее сдерживать.

– Рехнулись?

Да если я сдерживать не стану, от него кучка пепла останется. Небольшая такая. Проплававшая в шляпную коробку влезла, которую матушка потом искала, а я соврала, будто ее крысы попортили. О происшествии мы с Эдди решили матушке не говорить.

Переживать ведь станет.

– Отнюдь нет, – сказал графчик.

– Мистер...

– Можно просто Чарльз, – перебил он. – Раз уж нам предстоит общее дело. Да и ваш брат вчера... Уж не знаю, говорил ли он...

– Что хочет спровадить меня отсюда? Говорил.

– В таком случае отлично. Так вот, как правило, к обретению Дара готовят. Всех. Учат основам, но вы...

– Меня не учили.

Нет, когда-то давно матушка что-то там говорила про правильное дыхание и мы даже дышали на счет, это казалось удручающе нудным, хуже даже игры на клавесине.

Клавесин хотя бы смешно дребезжал, а дышать...

– Это я заметил. Сила часть вас. Как сердце или легкие. Вы ведь не пытаетесь контролировать работу сердца? Представьте, если бы вам пришлось следить за каждым его ударом.

– Свихнуться можно, – представила я и согласилась.

– И Сила – то же самое. Ей нужна свобода.

– А сгореть не боитесь?

– Ничуть. Та Сила, что течет через вас, именуется в классической науке сырой, природной. Любое живое существо, орк ли, человек ли, бледноволосый ли сиу, даже высшие животные и те способны пропускать сквозь свое тело Силу.

– То есть моя лошадь – маг? – поинтересовалась я. А разговор и вправду интересный. В той книжке, конечно, что-то там говорилось, но на диво замудрено.

– Нет. Сейчас установлено, что общий процент одаренных не так и велик. Среди людей способностями оперировать сырой Силой обладает едва ли каждый сотый. У орков – каждый десятый. У сиу...

– Каждый, – отозвался Эдди.

– Каждый третий.

– Каждый. – Ухо братца дрогнуло. – Просто не все хотят.

– В каком смысле?

Вот ведь, и надо ему было влезать в наш разговор? Хорошо ведь ехали. Я усваивала науку... честно, я люблю учиться. И читать сама стала, и писать. Правда, матушка говорит, что поскольку училась я сама, то и почерк у меня сложился такой, который прочесть способен лишь Эдди. И даже пыталась переучивать, но после сдалась, заявив, что я слишком упряма.

Упряма.

Так и есть.

– У них меньшие колобродят, – сказал Эдди, перекидывая винтовку поперек седла. Он нахмурился, вглядываясь во что-то впереди. И я вгляделась, но ничего-то помимо скал, что поднимались все выше и выше и уже прорезались красной короной хребта, не увидела. – А старшие – те больше земли берегут. В леса свои уходят. И Силу коль используют, то чтобы дороги отвести, да... А меньшие – они глупые, им войны охота.

– Гм... не буду спорить.

И правильно. С Эдди спорить – что с козлом бодаться: оно, конечно, никто не запретит, да только толку мало. Мне ли не знать.

А на Восток я поеду.

Почувствуйся.

А как научусь, стану магом, так и домой вернусь. Муж, дети – не мое это. Вот совершенно. Только Эдди о том говорить не стоит, ибо... В общем, по той же причине, по которой спорить бесполезно.

– Итак, возвращаясь к нашей теме. – Проблема сиу графчика заняла ненадолго. И он про меня вспомнил. – Обычные люди, пропуская энергию мира через себя, этого не чувствуют. Разве что если вдруг окажутся в местах магических аномалий, где уровень внешней Силы ничтожно мал, то ощутят некоторое неудобство.

И переносицу красную потер.

Это он зря.

Но с другой стороны, матушка бальзам свой положила, так что как шкура слезать начнет, а она несомненно начнет уже к вечеру, так я и намажу. Я добрая.

– Также они, как и животные, способны ощущать места с повышенным уровнем энергии. Именно в таких и возникали первые города и селения. Впрочем, некоторые ученые утверждают, что дело именно в животных, которых вокруг источника было множество, а уже древние люди приходили следом. И оставались. Не суть важно. Главное, сама энергия мира оказывает на тело и сознание людей влияние самое благотворное. Рядом с источниками люди редко болеют, дети рождаются сильными, здоровыми... в общем, сплошная польза.

Я кивнула.

Источники... Помнится, возил меня Эдди к одному такому, который из скалы проби-
вался. И было это там, куда соваться одному не следует. Но с Эдди можно. У Эдди в волосах
не зря перья кардинала. Он, может, и не маг и не спалит никого, но видит больше, чем я.

Правда, болтать о том не след.

– Маги отличаются от обычных людей способностью накапливать внешнюю Силу в себе,
а также преобразовывать ее в иные формы энергии.

Об этом в книге тоже писали.

Теперь я понимаю. Но как-то хитро писали, что раньше непонятно было, а теперь вот и
дошло. Тут я кивнула. А где-то высоко вновь заорал сип, и другой ему ответил. А перед нами
встала темно-красная скала.

– Как-то здесь неуютно, – сказал графчик и поежился.

А то.

Места ведь дикие.

Глава 6, *где обитатели Змеиного Дола встречают гостей*

Скалы.

Вот никогда-то Чарльз горы не любил, даже те, облагороженные, подчиненные воле человеческой, где встал известный ныне курорт «Снежные выси». И там действительно выси в наличии.

И острые пики, укрытые сине-зелеными палантинами льдов. И снег. И аккуратные домики, где к услугам гостей... да чего там только нет. Но даже там, сопровождая маменьку и Августу, которая как раз к горам относилась с детским восторгом, Чарльз чувствовал себя до крайности неуютно. Все ему казалось, что, опутанные пеленой заклятий, стабилизирующих породу, эти горы вот-вот очнутся. И встряхнутся, и...

В общем, в следующий раз маменька отправилась туда в сопровождении дальней родственницы и трех ее сыновей, которые к горам относились безо всякого предубеждения. А Чарльз трусливо отговорился собственной занятостью.

Нет, он и правда занимался делами, но...

Здесьние горы стабилизированы не были.

Эти горы и не старались притвориться хоть сколько-нибудь цивилизованными. Они поднимались красно-бурой стеной, словно прорываясь оттуда, снизу, разодрали жилы земные и перемазались кровью. Она, спекшаяся, покрывала камни.

– Тут остановимся. – Эдди спешился первым и огляделся. – Там дальше дорога неудобная.

И винчестер в руке подбросил.

А Чарльз едва сдержал облегченный выдох. Нет, он понимал, что придется ехать, что в горы, что через них, но обрадовался отсрочке, пусть и недолгой.

И радости этой стыдился.

Августа, верно, и не надеется, что ее ищут. А каждая минута промедления оборачивается для нее... чем?

Сверху раздался протяжный нервный звук, будто по стеклянной струне ногтем провели.

– Падальщики. – Эдди прищурился. – Есть хочешь?

Есть не хотелось совершенно. Стоило спешиться, и Чарльз с удивлением понял, что недолгий этот переход дался ему с трудом. Ноги ныли. Спину ломило. А ведь он неплохо держался в седле, только, выходит, этого мало?

Он ослабил подпругу. Конь фыркнул и отвернулся.

– Держи вот. – Эдди протянул флягу. – Пей. Тут скоро источник, можно будет свежей набрать.

Собственная фляга Чарльза опустела, и за это тоже было стыдно. Он вдруг явственно осознал, что здесь, в тени огромных гор, не имеют значения ни титул его, ни образование, которым он гордился, ни даже орден Алого сердца, врученный Его Императорским Величеством лично. Что горам и пескам, расстилавшимся по обе стороны их – а Чарльз не поленился, отыскал в прикупленном атласе карту окрестностей, – глубоко плевать и на вереницу благородных предков, и на Бархатную книгу родов, и на то, что он, Чарльз, является третьим по силе магом в Штатах.

Сипам, впрочем, тоже.

Над головой мелькнула огромная тень, и Чарльз едва удержался, чтобы не пригнуться.

– Живых они не тронут. – Его страх не остался незамеченным. Впрочем, глядел Эдди без насмешки, за что Чарльз был ему благодарен. – Разве что ослабеешь крепко. Вот слабых добивают. Если койоты или волки не успеют раньше.

По спине поползла струйка пота.

И что-то мерзонькое очнулось в душе, нашептывая, что Чарльзу вовсе не обязательно ехать самому. Зачем? Можно ведь кого-то нанять... предложить больше денег. Или еще что-нибудь. Денег у него хватает. А стало быть...

Он отряхнулся и воды глотнул.

Теплая.

И сладкая.

– Спасибо.

– Ничего. Это по первости так. – Эдди флягу принял и убрал на пояс. – Сюда многие приезжают.

– Сюда?

– В городок наш. Он ведь не зря Последний Приют, там дальше Дикие Земли. Вот и кажется многим, что там свобода. И творить можно чего душе угодно. И счастье сыскать. Или богатство. С богатством-то проще, там хотя бы быстро понимание приходит, что золото тут, конечно, можно найти, да только проблем на задницу куда скорее.

Эдди сплюнул.

– А вот с романтиками хуже. Эти идут до последнего... Помирают, но верят в лучшее будущее.

– Разве это плохо? – спросил Чарльз, скорее ради поддержания беседы, чем из желания поспорить.

В молчании особенно остро осознавалась собственная неуместность.

– А чего хорошего?

Эдди, кажется понял, для чего этот разговор.

– На деле-то выходит – или шею человек свернет по дури собственной, или выживет и дурь эту будет другим насаживать. Он как твой этот... Змей.

– Не мой он.

– Неважно. – Эдди задрал голову и прищурился, пытаясь выглянуть что-то там, в высоте. – Главное же, он тоже все затеял за идею. А вышло что?

– Что? – уточнил Чарльз.

– Не пойми что. – Эдди махнул рукой. – Милли, ты как?

– Нормально. – Милисента уселась на камень и вытянула ноги – длинные и стройные, но Чарльз изо всех сил старался на них не пялиться. Как-то оно невежливо, да и понять могут превратно. – Парит сегодня. К грозе.

Чарльз поглядел на небо. Небо было чистым и прозрачным, и даже тени хищных птиц казались размытыми, неявными.

И откуда гроза?

– Пожалуй, – подумав, согласился Эдди. – Но оно и лучше, глядишь, в грозу не погонят.

– А могут?

– Могут. Их земля. Их правила.

Чарльз заскрипел зубами.

Правила! Есть ведь закон. Императорский. Кодекс, что уголовный, что мировой, которому обязаны подчиняться все граждане Свободных Штатов. Да только что-то подсказывало, что горам и людям, в них обитающим, плевать на все официальные кодексы и законы.

– Но в грозу не принято. Или в снегопад. Или если еще чего приключится. – Эдди присел рядом. – Ноги разомни, а то судорогой сведет. Милли! Намажь ему морду.

– Не надо!

– Обгорел весь, – ласково произнес Эдди.

Чарльз осторожно потрогал свое лицо. И ничего не почувствовал, разве что щеки горячие и нос немного чешется.

– На вот. – Милли кинула ему на колени банку. – Мажь погуще, а то облезешь.

Спорить Чарльз не стал.

А хотелось.

Вскочить. Высказаться. Резко высказаться! Потребовать почтения. Уважения. И... и он молча открутил крышку. Бальзам оказался густым и пах травами. И в прикосновении охлаждал. Прохлада эта проникала сквозь кожу, успокаивая.

В самом деле, чего это он взбеленился.

– Приспособишься, – ободряюще сказал Эдди и по спине хлопнул. От души. Чарльз даже пополам согнулся, но выдержал. А Эдди столь же оптимистично добавил: – Если выживешь, конечно.

– Очень надеюсь, – процедил Чарльз сквозь сцепленные зубы. – Хотелось бы.

Узкая тропа поднималась все выше и выше, и в какой-то момент Чарльзу даже показалось, что еще немного, и они выберутся на самую вершину этих треклятых гор, которые чуть расступались впереди, но ровным счетом для того, чтобы места хватало на одну тропу. И пока ехали, Чарльз не мог отделаться от мысли, что с гор этих станется сдвинуться.

Или сбросить пару-тройку камней, запечатывая проход.

Или еще чего учудить.

Но тропа вдруг резко повернула и пошла под уклон. И главное, спуск был куда более отвесным, чем подъем. Становилось темнее.

Холоднее.

Нервознее. Но вот снова поворот и...

Грохот выстрела оглушил Чарльза. Истошно заржал жеребец, норовя подняться на дыбы, но Чарльз как-то с ним справился.

– Не балуй! – прогрехотал голос Эдди, добавляя ушам боли. Этак Чарльз и оглохнет ненароком.

– Гостей не ждем, – отозвались откуда-то.

Сверху?

Сбоку?

– Откажете путникам в приюте? – Сказано это было с немалой издевкой. И тот, кто скрывался в скалах, повторил:

– Гостей не ждем.

– Ишь, заладил, – произнес Эдди вполголоса. – Не ждут... А где нас ждут? Мы сами приходим. Ну да...

Он откашлялся, а после поднял руки так, чтобы были видны.

– Я с миром! – Голос Эдди, отраженный скалами, заполнил узкое ущелье. – Нам надо увидеть Великого Змея.

Несколько мгновений ничего не происходило. И Чарльзу даже подумалось, что вот сейчас их развернут, сказав, что Змей этого никого видеть не желает и...

– Проезжайте по одному, – отозвались сверху. – Я за тобой слежу.

– Я за тобой тоже. – Эдди шлепнул коня по шее, и мрачного вида жеребец порысил по тропе. Конь Чарльза двинулся за ним, не дожидаясь команды, что явно показывало, сколь высоко он ценит опыт наездника.

Чарльз попытался высмотреть стрелка, но...

Горы слева.

Горы справа.

Камни, которые сливались с камнями. Глубокие тени. И солнце, что, пробиваясь в узкую расщелину, ослепляло до слез в глазах. В общем, оставалось надеяться, что Эдди стрелка видит.

И вообще понимает, что тут происходит.

А дорога стала шире, ровнее. Горы вовсе закончились как-то вдруг, словно кто-то провел черту, за которую им невозможно переступить.

Их ждали.

Трое.

Крепкие с виду парни. При оружии, но... маги. Они и не думали скрывать ауру, напротив, Сила клубилась над ними, словно предупреждая, что револьверы – это так, ерунда.

Эдди остановил жеребца и приложил пальцы к шляпе.

– Доброго дня, господа, – сказал он вежливо и даже поклон изобразил.

– Доброго дня, – ответил усатый тип хмурого вида.

– Как жизнь, Мэтти?

– Благодарю, не жалуясь, мистер Годдард, – отозвался тип. – Вы к нам в гости или по делу?

– Боюсь, гостям вы не рады.

– Увы. – Мэтти развел руками, словно извиняясь. – Далеко не все гости приходят с добром. Вот и приходится... встречать.

– В целом или случилось что?

– Случилось. – Мэтти помрачнел и покосился на своих спутников, которые стояли молча и неподвижно, так что даже закрались сомнения, люди ли они. – Непокойно стало. Ходят слухи, что Хромой Пью собирает друзей...

– А у него они есть?

– Стало быть, есть. Желают дельце проверить. Крупное. А какое, увы, узнать не удалось. Может, сюда пойдут, а может, еще куда.

– Спасибо. – Эдди снял шляпу, и показалось, что благодарит он вполне искренне. – Я передам шерифу. И остальным тоже.

– Не за что. Дети Великого Змея не враги людям. – Мэтти осклабился и добавил: – Нелюдям тоже. А вы, стало быть...

– Побеседовать. – Эдди поднял руки, демонстрируя, что безоружен. В данный момент. – Можно?

– Конечно. Тебе тут рады.

– Я уже понял.

Как-то вот эта радость с выстрелом казалась Чарльзу несколько сомнительной. Но кто его спрашивал.

– А с тобой кто?

– Сестра моя. Или не узнал?

– Увы, виноват. – Мэтти приподнял шляпу. – Простите, мисс...

– Ничего. – Милли дружелюбно улыбнулась. – Могу я спешиться? А то притомилась ехать.

– Если бы ваш брат удосужился предупредить о визите, мы бы отправили коляску. Не дело юной госпоже так долго ехать верхами. – Это было сказано с полной серьезностью. – Буду рад гостям в моем доме! А что до дела, то отец примет вас вечером.

Чарльз открыл было рот.

И закрыл, сообразив, что уж его-то тут слушать никто не станет.

– И скажи приятелю, чтобы вел себя прилично, – счел нужным уточнить Мэтти, убирая руки с револьверов. – У нас тут не Восток, порядки строгие.

– Думаю, он уже понял.

Глава 7

О хороших гостях и добрых хозяевах

Змеиный Дол представлялся мне иным. Вот честно. В городе чего только не болтали. Нет, я понимаю, что болтать там горазды, сплетничать там любят, но вот... все равно.

Миссис Гроббер, которая мясную лавку держит и отличается на диво склочным норовом, сказывала, будто бы все бабы тут общие.

И мужики общие.

И все общее. И машманы только и делают, что свальным грехом занимаются. А порой и скотоложеством. Правда, девочки Бетти поговаривали, что, наверное, только скотоложеством, ибо в бордель машманы не заглядывают вовсе, а стало быть, нормальными отношениями не интересуются. И с чего бы оно? Вот то-то же... Впрочем, ни им, ни миссис Гроббер я не слишком верила.

Но было... интересно.

И что сказать?

А ничего.

Чисто тут. Аккуратно. Домишки будто с картинки, небольшие, но на удивление пригожие. Со ставенками резными, с низенькими заборчиками и, диво дивное, с цветами. Да не обыкновенными, которые растут у всех, а какими-то... помнится, у матушки тоже розовый куст рос.

Пока папаша не спалил его по пьяни.

Случилось это незадолго до его смерти, а потому куст я помнила распрекрасно. Эти цветы были другими, но тоже красивыми.

Это ж до чего благостно-то люди живут, если им на цветы сил хватает!

А главное, что улицы не пустые. Прогуливаются мужики, и не в лонгдогах драных, как оно частенько у нас случается, еще и заблеваных порою, а приличные люди. Иные в костюмах даже, в черных, аккуратно что у судьи нашенского. Один и на часы глядел.

Охреть.

Второй раз я охренела, уже оказавшись внутри домика этого Мэтти, что гляделся прямо-таки кукольным. Помнится, у Салли, дочка шерифа, был такой, который ее папаша аж из Бристона выписал. И все-то приходили поглазеть.

Я тоже приходила.

Потом спала месяц беспокойно, все мне снились аккуратные розовые комнаты с будто бы настоящей, но крохотной мебелью. И журнал, где сказывалось, как надо правильно ледью быть.

То есть леди.

Но...

В общем, внутри этого домика было почти как там, разве что мебель человеческая. Пахло цветами, и корицей, и свежими булками. Полы устилали красивые плетеные циновки, на кроватях высились горы подушек, а уж стол...

– Дом гостевой, – пояснил наш провожатый. – Вода в ванной комнате.

Вода оказалась горячей. А сама ванна почти такой же большой, как та, которая зарастает пылью в нашем особняке. Правда, наша на львиных лапах, а эта совсем без лап, на тоненьких ножках, зато вода ее наполняла. А я стояла, сглатывая слюну, и думала, до чего хорошо, когда дома вода есть.

– Я распоряжусь, чтобы о вас позаботились, – улыбнулся провожатый и удалился.

Зато вскоре в дверь постучали.

И да, позаботились.

Женщины в черных платьях, до того скучных, что даже не получалось представить, что эти вот женщины обретаются среди цветов, притащили огромные корзины со всякой снедью. И булки с корицей тут нашлись, и вяленые окорока, рыба копченая, рыба жареная, а еще сыр, творог, масло и даже горшочек с темным горным медом.

В общем, счастье.

– Мне тут нравится, – призналась я уже потом, позже. Сперва-то в ванну залезла и лежала там, пока вода вовсе не остыла. А потом уже, переодевшись в чистое, и до стола добралась. – Кормят славно. И вода есть.

Эдди тяжело вздохнул, а Чарли отвернулся, будто я чего-то не то ляпнула.

А что?

Вон, даже для гостей дом такой построили. Хотя... странно, конечно, какие тут гости? Машманы чужаков не любят, это все знают.

А дом гостевой держат.

Я отрезала ломоть ветчины, плюхнула поверх свежего мягкого хлеба, накрыла толстым куском сыра. И покосилась на графчика, который сделал вид, что мои привычки его нисколько не интересуют. Вспомнилось вдруг, что матушка не одобрила бы.

Матушка учила меня есть с изяществом.

Но матушки тут не было.

– За ними приглядывали, – сказал Чарли, который ел медленно и аккуратно, что матушкин кот, который даже после недельного загула делает вид, будто вовсе даже не голоден, а рубленого лосося принимает исключительно из вежливости. – За женщинами.

– И правильно. – Я пожала плечами. – А вдруг бы мы чего плохого захотели?

Вон, даже Бетти своим шлюшкам сопровождение выделяет, если случается их послать куда. А они у ней куда как серьезные мадамы, каждая знает, с какого конца за револьвер братья. Да все одно женщины.

Тут я иллюзий не питаю.

Если и оставались какие иллюзии, то окончательно испарились вместе с тем хитрозадым ублюдком, который умудрился накинуть петлю на мою шею.

Шея заныла.

– Верно. – Эдди ел осторожно, сперва обнюхивая каждый кусок. И наверное, это было разумно, но... я все равно ничего, кроме запаха копченой ветчины, не учуяла бы. – Но и на улицах женщин не видать.

Чарли кивнул.

А я задумалась. И вправду ведь. Мужчины разгуливают, а... эти, в черных платьях, вошли незаметно, и смотреть смотрели исключительно в пол, и ни одна-то на нас не взглянула, что вовсе не нормально. Люди по природе своей любопытны, а тут... И ни слова, главное, не произнесли, даже не поздоровались.

Странно.

Мясо вдруг перестало казаться вкусным, а сыр и вовсе пресным сделался. Но доесть я доела. И запила кислым ягодным отваром.

Поглядела на спутников.

И предложила:

– А не прогуляться ли нам?

– Не стоит, – покачал головой Эдди. – Нам ясно дали понять, что гостям здесь не рады.

Ага.

Но настолько ли, чтобы носа на улицу не казать?

– Да и гроза скоро, – добавил он, прежде чем я озвучила свою идею. Гостям тут, может, и не рады, но одно дело, если все гулять попрямся, и совсем другое, если пойду лишь я. Я ведь тоже женщина.

Бестолковая.

Любопытная.

И разве стоит меня опасаться? Но тут, будто отозвавшись на слова Эдди, за окном громынуло. И стало вдруг темно, да так, что показалось даже, будто треклятое небо не удержалось на звездных гвоздях и рухнуло к бисовой матери.

Про гвозди говорила Мамаша Мо, и с полной серьезностью, и даже учебник астрономии, стыренный в прицерковной библиотеке, ее не переубедил. Учебником этим она мне по макушке стукнула, обложила матерно и велела обратно вернуть, да еще покаяться.

Вернуть я вернула, а каяться не стала. Да и что вернула, жалела. А потому, пожалев месяцок, назад забрала. В конце концов, им там он тоже без надобности. Кому в Последнем Приюте астрономией увлекаться? То-то и оно.

В следующее мгновение крошечная тьма сменилась светом столь ярким, что у меня глаза заслезились. А грохот сотряс домик от крыши до самого подвала.

– Что за... – Графчик нервно заозирался и револьверы вытащил. Ишь ты, беспокойный какой.

– Гроза, – миролюбиво сказал Эдди. – Бывает.

– Мать твою... извините, мисс Милисента. – Револьверы Чарли убрал и прислушался. Там, за окном, на которое, между прочим, и стекла не пожалели, гремел дождь.

– Ничего, я привыкла.

Он отчего-то не успокоился, а лишь сильнее покраснел. А потом провел ладонью над круглым камушком, что лежал в углу, и тот вспыхнул ровным белым светом.

– Любопытно... – пробормотал Чарли.

И замолк, потому как опять громынуло. Домик опять вздрогнул. И графчик вместе с ним, и чего уж тут, я тоже, ибо грохот этот был каким-то... особо грохочущим. До самых печенок достал, а то и глубже.

А грозы тут случаются.

Если бы он спросил, я бы рассказала. И о тех, что приходят с Востока, осторожные да тихие, предупреждающие о своем приближении загодя. От них небо темнеет, а на нем золотыми змейками расползаются молнии. Эти грозы предсказуемы.

Они дают время подготовиться.

Снять с веревок белье, запереть ставни, поднять защиту. Ну, когда было чего поднимать. Но есть и другие.

Порыв ветра ударил в стену, и показалось, что сейчас она не выдержит, хрустнет и разлетится яичной скорлупой.

– Сейчас... – Чарли встал и подошел к этой самой стене, положил на нее ладони и застыл так, а по стене поползли огоньки.

Я едва яблоком не подавилась.

А что? Я, как волнуюсь, всегда ем. Ну, когда еда под рукой имеется. Как вот тут. И яблоки неплохие, крепкие, сочные, и...

Я ткнула Эдди локтем в бок. А он лишь плечами пожал. Видит? Огоньки расползались и уходили в стену, а та... та будто бы менялась, но как – непонятно. Я чувствовала эти перемены.

– Защита. – Чарли обернулся. – Правда, инактивированная, но я поднял, так оно и вправду спокойнее будет. А то какие-то у вас тут и грозы дикие.

Это да.

С Запада грозы приходили иные. Они налетали вдруг. Просто небо темнело и рождало тучи, черные и густые, тяжелые. И те, клубясь, выплевывали молнии одна другой больше. Прошлой осенью такая в дом старика Грейва шибанула, так от того дома и угольков не осталось.

Только старый осел и уцелел.

В смысле, животное.

Не Грейв.

Но теперь и вправду звуки отдалились. Нет, молнии плескались там, снаружи, но как-то... будто в другом месте. Гром грохотал, да только домик больше не вздрагивал.

– Еще барьер поставил, а то мнится мне, высокое искусство нашим хозяевам знакомо и, более того, используют они магию весьма часто. – Чарльз потер руку об руку. – Что опять же...

Он замолчал ненадолго, а потом обошел комнатушку, отдельно останавливаясь у каждой кровати. А кровати и вправду были хороши. Железные. Натертые до блеску. С железными узорчатыми шишечками на штырьках. И не доски тут, а новомодные пружинковые каркасы, про которые матушка читала в журнале. А поверх каркасов тех – соломенные матрасы.

И перины.

Простыни белые, чистые да накрахмаленные.

Я пощупала, убеждаясь, что не ошиблась: так и есть, благородный сатин. Матушка, помнится, все вздыхала, что надо бы на платье прикупить, но дорого. Ей дорого, а тут, стало быть, на простыни изводят. И подушки пуховые. И одеяло...

Не понимаю.

– Не понимаю, – вслух сказал Чарльз, обойдя комнату. – С одной стороны, дом мал и не сказать чтобы удобен...

– Чего?! – искренне удивился Эдди.

Не удобен! Да тут циновки лучше, чем у нас дома простыни, не говоря уже о самих простынях или этих вот покрывалах, бахромою украшенных.

– У вас просто запросы невелики. – Чарльз произнес это словно извиняясь. – Люди иного достатка привыкли и к иному уровню комфорта. Хотя тот, кто обустроивал это место, старался. Скажем, здесь есть заклятье охлаждения, весьма актуальное в жаркую погоду. Или вот...

Он опустился на четвереньки и положил руки на пол.

– Точно, пол теплый. При желании можно активировать, и тогда пол будет нагревать сам дом. Это, надо думать, для зимы. Стены укрепленные. Стекла высокой очистки, но при этом можно поставить полог и фильтровать количество света, проникающего внутрь. Освещение также на Силе основано. Камней всего семь, что немного, но и не так мало. Еще есть...

Чарли поднялся как-то резко, рывком, и даже подпрыгнул на месте, крутанулся, затем уставился взглядом в стену. И мы с Эдди уставились. Братец нахмурился и щеку поскреб.

Пока он не понимал.

Я тоже.

– Комод для одежды...

И преотличный, из тяжелого темного дерева, такой века простоит.

– ...и стол для работы. Зачем в гостевом доме письменный стол?

Это он про тот, что возле окна? Мне тоже непонятно. Места занимает изрядно, туда бы еще одну кровать поставить, но они эту громадину втиснули.

– И не просто стол. – Чарльз погладил темное отполированное до блеска дерева. – Он зачарован. Попробуйте открыть.

Эдди покачал головой и заметил:

– Мы в гостях. Негоже лазить по чужим вещам. – И благоразумно добавил: – Пока.

– Именно. Дом гостевой, а запоры хорошие. Заклятье Линдберга. Его еще часто в систему сейфов встраивают. Основано на переменности энергий.

Мы ничего не поняли, но кивнули.

Так, на всякий случай. А Чарли совсем уж разошелся. Он комнатушку эту разве что не обнюхал: и в ванну заглянул, и даже в отхожее место – белое, красивое, такое и в гостиной поставить не стыдно, – нос сунул, но там-то ничего, кроме воды, крашеной синим и отчего-то пахнущей лавандой, не оказалось.

– Все это слишком сложно для гостевого дома, – заключил Чарли и уставился на нас.

А мы на него.

– Если только... здесь не встречаются каких-то совершенно особых гостей, – добавил он тихо.

Глава 8, *где происходит встреча, но результат ее вовсе не тот, на который рассчитывали*

Чарльз поскреб шею.

Чесалась.

И нос зудел. И еще уши, но шея – как-то особенно сильно. Поневоле начинаешь задумываться, не подхватил ли чего-нибудь эдакого в гостинице.

Или на привале.

Или...

Зуд откровенно мешал сосредоточиться на важной, очень важной мысли. О доме, Долине, самом этом поселении. Под дорогой укрывается сеть сторожевых заклятий, свернувшаяся змеиным клубком.

Еще одна, охранная, по периметру.

И вдоль ограды дома сигналка, да и сам дом непростой. Слишком уж много тут всего.

В дверь постучали, спугнув мысль. А потом открыли, пусть и заперта она была в том числе собственной печатью Чарльза. Это и заставило потянуться к револьверам. Не только графа.

– Эдди, мальчик мой... – Вошедший сделал вид, будто не замечает общего настроения. – А ты стал еще больше с нашей последней встречи! Когда же ты прекратишь расти?!

– Не знаю, мистер Уилли, – прогудел Эдди, убирая руку с револьверов.

И правильно.

Магу... во всяком случае данному конкретному магу, пуля не страшна. Чарльз подозревал, что не только пуля. Человек этот был невысок, сутуловат и окружен облаком Силы столь плотным, что и дышалось-то рядом с трудом.

– Ах ты, моя милая... Как давно я тебя не видел! – Человек раскрыл руки, но с объятиями лезть не стал. И верно. Милисента разглядывала его с интересом, но весьма и весьма настороженно. – Обними же дядюшку Уилла...

– Дядюшку ли? – тихо заметил Чарльз, ибо именно в этот момент сходство гостя с Милисентой сделалось почти невероятным.

– А это кто? Ах, да, вижу... Весьма и весьма любопытно. Что понадобилось людям столь важным в наших краях?

Ростом маг и впрямь похвалиться не мог.

Ниже Чарльза, а Эдди и до плеча не доставал. Худоцав. Сухопар.

Стар.

И возраст свой скрывать не пытался, равно как и подчеркивать.

Но одетый с нарочитой простотой в обыкновенный для мест нынешних темный костюм, Уильям Сассекс оставался собой – великим магом и аристократом.

– Что ж... Давно пора побеседовать, но я все откладывал и откладывал. Не хотелось причинять боль драгоценной Элизабет. Я и без того причинил изрядно, что ей, что миру.

Он махнул рукой и вытащил из-под полы флягу.

– Коньяк. Выдержанный. Еще оттуда привезенный. Не желаете ли?

– Сочту за честь, – Чарльз усилием воли заткнул в себе желание вцепиться в темное, загоревшее дочерна горло. Во-первых, действительно стоит поговорить, а во-вторых... Уильям Сассекс пришел один вовсе не оттого, что доверчив и потому не ждет от гостей подвоха. Скорее уж, он четко осознавал собственную силу.

– Наливайте. – Эдди с грохотом подвинул стул, на который и уселся. – Вот. Матушка передала вам.

Он протянул слегка помятый конверт. И Чарльз был готов поклясться, что этот конверт несказанно смутил Сассекса.

Или удивил.

Или...

Его пальцы коснулись бумаги невероятно нежно. Он прижал конверт к губам. И вдохнул запах.

– Простите. – Теперь уже смутился Эдди. – Жарко было. Вопрекл малость.

– Бывает, – усмехнулся Сассекс. – Надеюсь, вы извините, но прежде чем начинать беседу, я должен сделать еще кое-что.

И вышел.

В темноту. В грохот дождя. В ветер и...

– Он нормальный вообще? – тихо поинтересовалась Милли, которая, кажется, не совсем понимала, что происходит.

– Все маги в той или иной степени ненормальны, – счел нужным сказать Чарльз.

А Эдди кивнул и добавил:

– Чокнутые они. Чем больше Силы, тем крепче крышу ломит.

– Сейчас полагают, что способность взаимодействовать с тонкой энергией мира многократно усиливает нагрузку на мозг человека, а стало быть...

– Чушь это, – оборвал Чарльза Сассекс, который вернулся бодрым и, кажется, весьма собою довольным. – Наливайте, господа. Что до официальной науки, то она любит выдвигать теории. На особо удачных строятся новые, и затем еще одни. И в итоге некоторые теории, не будучи доказанными, принимаются за истину. Дело не в мозге и энергии, точнее не в той мере, в которой полагают ученые. Скорее уж, здесь вопрос общей вседозволенности. А вы не станете отрицать, что магам в нашем мире позволено куда больше, нежели людям обычным.

Отрицать Чарльз не стал, но коньяк по стопкам разлил, правда, не забыв проверить. А то мало ли. Но коньяк, судя по отклику энергии, оказался просто коньяком.

Хорошим.

Отменным даже.

– Я привез с собой несколько бочонков, что было весьма разумным решением. – Уильям вдохнул аромат. – Элизабет просит вам помочь. Что ж, я сделаю то, что в моих силах. Долги надо отдавать. Итак, слушаю.

Почему-то рассказывать о сестре этому человеку не хотелось.

Совершенно.

И потому рассказ получился сухим, вымученным. Будто и не об Августе речь, но о посторонней не слишком умной девице, которую Чарльзу поручили спасти.

Надо сказать, что слушать Уильям Сассекс умел. И слушал внимательно. И лишь когда Чарльз завершил повествование, произнес:

– Любопытно...

И снова коньяка налил. Всем, кроме Милли, которая предпочитала жевать кусок ветчины, закусывая ее булочкой, и делала вид, что разговоры эти ей совершенно не интересны.

– Что ж... Следовало, конечно, ожидать, но не думал, что так все обернется. Элайя Бишоп всегда был чрезмерно жадной сволочью. Однако мне казалось, он понимает, когда нужно остановиться. Зато теперь понятно, почему он вдруг затих.

Чарльзу вот понятно не было.

Ничего.

– Вашей сестры здесь нет. – Уильям Сассекс поглядел с жалостью. И прежде чем Чарльз успел возразить, раскрыл ладонь. – Клянусь собственной Силой, что это так. Однако, воз-

можно, я подскажу вам, где ее искать. Надеюсь, вы успеете. Но сперва, чтобы вы поняли, что происходит, я должен рассказать о вещах давних. И не самых приятных.

За стеной вновь гроыхнуло.

– Эта история началась еще на Островах. Семья моя, как вы, полагаю, знаете, обладает немалой властью. Положение. Деньги. Род. В общем, с самого рождения меня окружала роскошь, и жить я привык не слишком задумываясь о других. Не буду лукавить, в юности я был не самым приятным человеком, да и теперь...

Он ненадолго замолчал.

– Мне только исполнилось пятнадцать, когда я впервые влюбился. Естественно, со всем пылом юной души. И само собою, в особу неподходящую. Дочь торговца, пусть и состоятельного, Сассексу не пара. Однако мои родители проявили понимание. И даже позволили сочетаться с ней браком, пусть и тайным, по их просьбе. Отец моей возлюбленной согласился, что же говорить о нас. Жили с Эванной мы в одном из фамильных поместий. И дни проводили... счастливо.

Голос его едва заметно дрогнул.

– Не прошло и года, как Эванна объявила, что ждет ребенка. Я... я собою гордился, будто и вправду сделал что-то такое, особенное. Но...

Никто не посмел торопить его.

А Уильям Сассекс не спешил говорить. Он шевелил губами, будто подбирая слова.

– Они умерли. Роды начались до срока... И нет, дело не в моих родителях. Им я даже не сообщал, хотя, полагаю, сообщили слуги. Тогда я не слишком задумывался, сколь плотно меня, скажем так, опекают. Но родители мои прибыли на второй день после смерти Эванны, что не могло быть случайностью. И не было. Это я понял позже. Тогда же... во гневе, в ярости, я почему-то уверился, что виноваты они. Что они позавидовали моей любви, моему счастью. Отец мой был герцогом Сассекским, мать тоже происходила из древнего и не менее славного рода. Друг с другом они держались холодно, равнодушно, однако делали вид, что являются семьей. Я обвинил их, что именно они отравили мою Эванну, а они поклялись, что не делали этого. И никто не делал. Что... я сам ее убил.

Кулаки Уильяма сжались.

Наверное, если за столько лет его боль не утихла, то любовь существует?

– Мой отец отвел меня в... он назвал это «погостом первых жен». Гробницей, где находили покой юные леди Сассекс...

Сила его кольхнулась, и в какой-то момент Чарльзу даже показалось, что Сассекс не удержит ее, но нет, облеглась.

Унялась.

– Прошу прощения. – Уильям Сассекс поднял крохотную чарку. – Оказалось, что у моего отца была своя возлюбленная, как и у его брата. И отца, то есть моего деда. У многих нашего рода. Кто-то женился, кто-то жил так. А кто-то обратил внимание, что женщины простые, не родовитые или относящиеся к династиям не слишком давним, умирают в тягости. Ни одна из многих так и не разрешилась от бремени.

По спине пополз холодок.

– В то время как женщины одаренные или хотя бы происходящие из семейств, где одаренные появляются на свет постоянно, а это как правило рода древние, рожают не то чтобы просто, но рожают. Редко больше двух-трех детей. Для сравнения, дальняя родственница моей матери, вышедшая замуж за безземельного рыцаря, человека достойного, но бедного и Силы лишенного, родила семерых. И это не редкость. Иные, знаю, производят на свет и по пятнадцать, и по двадцать наследников, хотя это, конечно, не совсем правильно.

– Дело в Силе?

– В Силе. В способности эту Силу принять. Конечно, все мои предки в той или иной степени проводили изыскания, но, как правило, не слишком упорные.

– Вы... простили им? – тихо поинтересовалась Милисента.

– Родителям? Нет. Я был молод. Вспыльчив. Зол и обижен на весь мир. Я не желал понимать их резоны, как и они не слишком желали объяснять что-либо. Отец лишь обмолвился, что это хороший урок, что впредь я буду более осторожен и не стану связывать себя ненужными узами.

Скрипнули зубы, то ли Эдди, то ли самого Сассекса.

– Мы никогда и не были близки. Это не принято. На Островах детей отдают на воспитание прислуге. И к своей няньке я был привязан куда сильнее, чем к матери. Думаю, будь она жива к тому времени, она бы предупредила.

– И что вы сделали?

– Я? Сперва запил. И пил много. Стал устраивать пирушки. Обзавелся свитой таких же бездельников. В общем, ничего нового или выдающегося. Когда пить надоело, ввязался в войну, благо Острова всегда воюют. Отличился даже, а мой старший брат в это время заключил весьма выгодный брачный союз с девушкой из одного старого доброго семейства. Отец также отписал, что подыскал и мне невесту. Не скажу, чтобы я обрадовался, но... война меня несколько отрезвила. А может, я просто повзрослел.

Ветер взвыл стаей голодных волков.

И несмотря на защиту, стало вдруг неуютно. Показалось, что еще немного, и захрустит жалкая деревянная оболочка, развалится.

– Ветрено сегодня, – светским тоном заметил Сассекс. – Вы вовремя успели.

– Старались, – отозвался Эдди, ковыряясь в зубах кончиком ножа. Заметив укоризненный взгляд сестры, смутился и нож убрал.

– И хорошо. В общем, невеста моя оказалась милой девушкой. Как и супруга брата, происходила она из древнего рода. Была образована. Воспитана. Одарена. И нет, любви ко мне она не испытывала, но это и лишнее. В целом, думаю, в обстоятельствах иных мы бы неплохо поладили.

– Не вышло?

– Не сразу. У моего брата родился сын. И умер, не прожив трех дней. Конечно, нельзя сказать, что подобное случается часто. Не в наших кругах. Но случается. Брат был расстроен. Его супруга, само собой, тоже. Я поддерживал их как умел.

Уильям замолчал ненадолго: то ли воспоминания были не из приятных, то ли не желал перекрикивать бурю. А та разыгралась не на шутку. По крыше дома что-то стучало, гремело, вспышки молний ослепляли, несмотря на щиты.

– Мою свадьбу пришлось отложить ввиду траура, но это тоже никого не смутило. Все-таки помолвка состоялась, а свадьба... Спустя год супруга моего брата вновь понесла.

Он сделал глубокий вдох.

– Погибли оба. Роды начались до срока, и дитя... так уж вышло, что я увидел это дитя. Мне не показали моего собственного сына, а тут... это существо лишь отдаленно походило на человека. И нет, мне уже случалось видеть человеческих младенцев, а потому я с полной ответственностью могу заявить, что данный плод был порочен. Брат мой, лишь взглянув на него, поморщился и бросил, что, мол, снова не получилось. Тогда-то, пожалуй, во мне и проснулся интерес. Болезненный. Безумный. И та дорога, на которую я ступил... Я попытался выяснить, что происходит. И кое-что узнал. Наша родовая Сила, столь тщательно лелеемая, воспитываемая, подарившая роду Сассексов могущество, его и убивает. Тело младенца просто не способно вместить эту Силу, которая изменяет его. Кровь матери должна защищать дитя, потому и важно, чтобы мать обладала Даром. Однако если в прошлые годы этого было достаточно, то... – Уильям развел руками. – Мой брат потребовал у меня уступить ему невесту.

– И вы уступили?

– Я побеседовал с ней. Если бы она сказала, что не желает расторгать помолвку, я бы отказал брату. Но и она, и родители ее лишь обрадовались. Одно дело выйти замуж за графа, и совсем другое – за герцога. Титул в глазах их стоил риска. А я предупредил девушку об опасности, но она была молода, здорова и Даром обладала куда более выраженным, чем та, что до нее.

Он потер щеку.

– А вы...

– Мне было все равно. Я не любил Эдит. И от души пожелал, чтобы у них все получилось, но...

– Не вышло?

– Отчего же. Брат получил наследника, а Эдит... она прожила еще полгода после родов. И о ней хорошо заботились. Моему же брату предложили в жены младшую сестру Эдит.

– И он согласился? – мрачно поинтересовался Эдди, который в зубах ковырять перестал, но нож не убрал: верно, успокаивала его этакая близость холодной стали.

– Почему же нет? Наследник – это хорошо, но лучше, когда наследников несколько. Но эта история позволила мне удалиться. Я покинул Лондиниум, сказав, что желаю уединения. Отец к этому времени окончательно убедился в моей бесполезности, а война, где мои таланты могли бы принести пользу стране и роду, завершилась. Потому и позволили мне проживать в замке Шеффилд. Некогда он принадлежал моей прабабке, происходившей из славного шотландского рода. Замок этот был стар. Тесен. И не представлял уже особого интереса. А главное, находился в землях столь дальних, что никто чужой без нужды в такую глушь не добирался. Там-то я и проводил свои изыскания. Сперва на животных. На свиньях. Построил для этого даже ферму, обеспечив всех окрестных оборванцев мясом, что снискало мне немалое признание. Я воздействовал на свиней Силой, а после смотрел, как она изменяет развитие зародышей. Выводы получились интересными. Я понял, что мне отчаянно не хватает образования. И пригласил одного весьма увлеченного человека.

Глава 9, *где чужие тайны не доставляют удовольствия*

Сила так и норовила выплеснуться, и мне приходилось прикладывать немало усилий, чтобы удержать ее. Особенно Силу тянуло к человеку, который рассказывал о делах прошлых таким же скучным тоном, каким мэр Уиллоуби рассказывает, почему он не может прямо сейчас выдать награду за привезенные Эдди головы.

Я поерзала.

Но на меня никто внимания не обратил. И налить не налили. Не то чтобы так уж хотелось, но все одно обидно.

– Несколько лет мы потратили на то, чтобы понять, как вообще идет развитие младенца в утробе. И в этом плане свиной плод мало отличается от человеческого. На первых порах. Нам удалось установить, что поначалу Сила не оказывает сколько-нибудь серьезного воздействия. Более того, она вовсе не влияет на животных. Какому бы серьезному воздействию ни подвергались те же свиньи, детеныши их появлялись на свет обыкновенными. Возможно, обладающими некоторой способностью ощущать Силу, и только. Они стремились к ее источнику и, даже выпущенные на волю, норовили поселиться там, где уровень Силы максимально высок. Так мы даже отыскивали пару-тройку малых источников. Но вот люди... с людьми все куда сложнее. И интереснее.

– Вы проводили опыты на людях? – тихо произнес Чарльз. И что-то такое послышалось в словах его, что я поежилась.

А Эдди кивнул.

И помрачнел.

Нет, любовью к людям он не проникся. Эту любовь из него прочно выбили еще в детстве, когда ватага под предводительством Диза Лупески закидала Эдди камнями и дерьмом. Диз этот как был скотиной, так и остался. И повесила бы я его с превеликой радостью, хотя поводов он для того, следовало признать, не давал. Но повесить – это одно.

А опыты – совсем другое.

– Увы. – Уильям развел руками. – Изначально мы лишь наблюдали. Покупали рабынь. Потом...

– Делали все, чтобы их обрюхатить.

Эдди покосился на меня и взглядом указал на дверь, мол, разговор ныне не для нежных ушей моих. То есть, конечно, по поводу нежности моих ушей Эдди иллюзий не испытывает, однако ему весьма хотелось соблюсти приличия. Я же сделала вид, что не поняла. Во-первых, домик, конечно, милый, но комната в нем одна, а сидеть в ванной, ожидая, пока они тут наговорятся, так себе развлечение. Во-вторых... я ведь живая.

Мне интересно.

– Да. У моего компаньона была схожая проблема. Более того, чувствуя вину за смерть матери, он истово желал найти способ, средство, которое позволило бы... – Уильям щелкнул пальцами, и звук вышел резким. Эдди вон вздрогнул и нож выпустил, но поймал в полете и убрал в ножны.

Оно и правильно.

Местные не поймут, если нож возьмет да ткнется куда-нибудь не туда.

– Мы не желали зла. Я понимаю теперь, что многие дороги в бездну начинаются именно так. Но мы и вправду не хотели ничего дурного. Мы наблюдали. Измеряли. Исследовали. Следили за этими женщинами денно и ночью. И обнаружили, что основные изменения происходят именно в последние недели перед родами.

Он сделал выдох и прикрыл глаза. Поморщился.

– Теперь мне неприятно вспоминать о том, но тогда... Тогда мы искренне полагали, что наша цель стоит всех усилий. И крови. – Уильям потер ладони. – Я старею. И ко мне стали приходить сны. Сны, в которых много крови... неважно. Главное, что плод неодаренный и к воздействию Силы оставался безразличен. Его развитие шло обыкновенным путем, вследствие чего на свет появлялся ребенок.

– И... что вы с ним делали?

– Ничего. А что надо было? – Уильям криво усмехнулся. – Поймите, мы не безумцы, одержимые жадной кровью, испытывающие удовольствие от чужих страданий. Мы ученые. Полагали себя таковыми. И да, я не постесняюсь сказать, что нам удалось выяснить многое. Правда, наука открестилась и от нас, и от остального, но... неважно. Если плод одарен, то за пару недель до родов начиналось то, что мы называли «Зеркалом мага». Плод начинал активно впитывать Силу. И чем ярче был Дар ребенка после рождения, тем сильнее шло поглощение Силы. А мозг его формировал некоторые тонкие структуры. И именно от правильности их создания и зависело если не все, то многое. Здесь уже организм матери выступал в качестве своего рода компенсатора. Излишек Силы, способный навредить плоду, поглощался женщиной. И собственный Дар ее в это время раскрывался полностью. Однако если между уровнем одаренности матери и младенца была слишком большая разница, то женщина не могла справиться с потоком Силы.

Уильям Сассекс выдохнул.

– Чтобы дойти до этого, нам понадобилось почти двадцать лет...

– И сколько женщин?

– Лучше не считать, – вполне серьезно ответил он графчику и взгляд его выдержал. – И да... мы увлеклись. Изначально эксперименты свои мы ставили на рабынях, однако это довольно затратно, даже если самим снаряжать экспедиции. Мы скупали ненужных детей, девочек. Сошлись со многими своднями, однако... Одно дело обычные женщины, но Дар встречался не так и часто. Вот и приходилось...

Он пошевелил пальцами и посмотрел на них задумчиво.

– Я только сейчас начинаю осознавать, что же мы натворили. Мы переступили черту, когда взяли за одаренных. Да и в целом когда спутались с не самыми достойными людьми.

Эдди громко фыркнул.

Ну да, сами-то, можно подумать, образцы морали с нравственностью вкупе. И похоже, что род этого самого Сассекса и вправду славен, если Уильям избежал виселицы.

У нас бы его точно повесили.

Или, может, все еще впереди?

Если они занимаются тут... Почему-то стало не по себе. Очень не по себе.

– Нам требовались женщины для экспериментов, и мы готовы были платить. Довольно быстро нашлись поставщики живого товара. Появились ушлые молодые люди, готовые свести знакомство с подходящей особой, вскружить ей голову, увезти... и продать. Но долго длиться это не могло. Хотя... семь лет понадобилось королевским ищейкам, чтобы разобраться. Может, если бы меня не защищало имя рода, они управились бы и быстрее. Но однажды за нами пришли. И... мы были готовы к встрече. О да, нам казалось, что переворот, совершенный нами в науке, – это то, что не просто оправдает наши действия... Боги, да я награды ждал!

Идиот.

Радовался бы, что все-таки не повесили. Или, может, на Островах не принято вешать? Если так, то зря, конечно. Некоторые люди словно рождаются исключительно для того, чтоб с пеньковой вдовушкой знакомство свести. Я покосилась на братца. И судя по мрачной – чересчур уж мрачной – физиономии, в голове Эдди бродили схожие мысли.

– Одного глупца, моего коллегу, который за годы успел стать другом – проклятье, не просто другом, но самым близким человеком! – казнили. Да и я должен был стать следующим. Но не стал.

Так все-таки вешают на Островах или иначе как-то? Спросить бы, но, чую, не к месту вопрос. Да и матушка, конечно, всегда пеняла мне за полное отсутствие чувства такта, что правда найчистейшая, но тут и я понимаю, что надо помолчать.

Потом спрошу.

Как-нибудь невзначай.

– Судили нас быстро. И судом пэров. Слова нам не дали, выставив нас клубом безумцев, которые извращенным образом удовлетворяли свою похоть. На суде я пытался заговорить, но слова мои тонули в пологе тишины. И я вынужден был слушать. Имена... Столько имен... Почему-то в процессе работы все эти женщины сливались в голове. Одни уходили, другие приходили. Я не думал, что их так много. А ведь следствие еще не учитывало рабынь, да... Так вот, меня приговорили к казни. И если моего друга повесили...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.